СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XCIX. № 6.

Ю. В. Петровская.

КЪ ДІАЛЕКТОЛОГІИ РЯЗАНСКИХЪ ГОВОРОВЪ

ГОВОРЪ СЕЛА МАТЫРЪ

ЗАРАЙСКАГО УѢЗДА

ПЕТРОГРАДЪ
1922.

Напечатано по распоряженію Россійской Академіи Наукъ.

Мартъ 1922 г.

Непремѣнный Секретарь, академикъ *С. Ольденбургъ*.

Авторъ настоящаго изслѣдованія, прив.-доц. Петроградскаго университета Ю. В. Петровская, скончавшаяся въ мартѣ 1919 г., не успѣла довести печатаніе его до конца: ею были просмотрѣны только первые два листа. Къ представленному въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности изслѣдованію были еще приложены: 1) небольшой словарь областныхъ словъ и 2) образцы народной словесности — сказки, бытовые разсказы и пѣсни. Но въ виду затруднительности печатанія народныхъ произведеній, записанныхъ фонетически, безъ автора, Отдѣленіе не нашло возможнымъ напечатать послѣднія.

Матерьялъ для настоящаго изслѣдованія дали мнѣ главнымъ образомъ наблюденія, произведенныя мною лѣтомъ 1916 и 1917 гг. надъ говоромъ села Матыръ Зарайскаго уѣзда Рязанской губ., который является общимъ также для деревень Вёшки, Власьево и Подстарье.

Кромѣ устнаго матеріала, доставлявшагося нѣсколькими объектами, въ числѣ которыхъ была хорошая сказочница и разсказчица А. Е. Колпицына, мнѣ удалось использовать нѣсколько десятковъ писемъ, писанныхъ главнымъ образомъ крестьянкой деревни Вёшки М. П. Ходаковой, въ которыхъ ярко отразились особенности мѣстнаго говора.

Отъ А. Е. Колпицыной, уроженки села Матыръ, мною записаны фонетической транскрипціей десять сказокъ, девять разсказовъ, нѣсколько пѣсенъ и заговоръ на кровь, послужившіе основнымъ матерьяломъ для настоящаго изслѣдованія.

ТРАНСКРИПЦІЯ.

ə — сильно редуцированный гласный, почти лишенный качественной опредѣленности.

â — гласный средняго ряда, очень слабо вокализованный въ направленіи къ *a*.

ê — соотвѣтствующій ему гласный передняго ряда.

ê — гласный передняго ряда, полнаго образованія, напряженный, приближающійся къ гласному въ словѣ *зять* въ литературномъ языкѣ.

e^a — гласный полнаго образованія передняго ряда, опредѣляемый, какъ *e*, приближающійся къ *a*.

e^i — гласный полнаго образованія передняго ряда, опредѣляемый, какъ *e*, приближающійся къ *и*.

i — гласный неполнаго образованія, сильно вокализованный, опредѣляемый, какъ *и*, очень слабо приближающійся къ *e*.

_ — подъ обозначеніемъ гласнаго указываетъ на сильную степень вокализаціи.

‸ — надъ обозначеніемъ гласнаго — на слабую степень вокализаціи.

γ — задненебный звонкій спирантъ.

ĉ — звонкая аффриката, соотвѣтствующая *ч*.

щ — глухая аффриката; = *ш'ш'* при явственномъ произнесеніи; *ш'ч* въ быстрой рѣчи.

ĵщ — звонкая аффриката, соотвѣтствующая *щ* = *ж'ж'* или *ж'ĉ*.

(*й*) — за обозначеніемъ согласнаго указываетъ на очень значительную степень его палатальности.

˜ — надстрочный знакъ, обозначаетъ повышеніе тона.

ФОНЕТИКА.

Гласные.

Гласные звуки описываемаго говора могутъ быть распредѣлены по слѣдующимъ категоріямъ:

А. Гласные полнаго образованія.

Б. 1. Гласные неполнаго образованія, почти лишенные качественной опредѣленности.

2. Гласные неполнаго образованія, отличающіеся слабой степенью вокализаціи.

3. Гласные неполнаго образованія, сильно вокализованные въ направленіи къ тому или другому гласному полнаго образованія.

Гласные полнаго образованія наблюдаются только въ слогахъ ударномъ и непосредственно предшествующемъ ударному, а также въ начальномъ слогѣ слова, начинающемся гласнымъ, независимо отъ положенія этого слога относительно ударенія. По отношенію къ гласнымъ остальныхъ категорій они характеризуются не только болѣе энергичной артикуляціей, но также качественнымъ постоянствомъ, отличающимъ ихъ отъ гласныхъ другихъ категорій, которые могутъ имѣть степень вокализаціи, приближающую ихъ къ гласнымъ полнаго образованія, но при этомъ чередуются часто въ одномъ и томъ же слогѣ одной и той же формы слова со звуками слабо вокализованными и даже съ гласными, почти лишенными качественной опредѣленности.

Изъ редуцированныхъ гласныхъ къ гласнымъ полнаго образованія болѣе всего приближается *u̯*, который утрачиваетъ свою

окраску въ меньшей степени, чѣмъ остальные гласные неполнаго образованія.

Гласные полнаго образованія.

Въ описываемомъ говорѣ наблюдаются слѣдующіе гласные полнаго образованія ненапряженные:

Задній рядъ. Гласный *а*. Этотъ гласный встрѣчается на мѣстѣ этимологическаго *а* въ ударномъ слогѣ (ла́днâ, сат, Да́шка), въ непосредственно предударномъ слогѣ на мѣстѣ этимологическихъ *а* и *о* (сапо́х, мама́н̯а, старуха̯; лашатка̂, на̯а́, дразда́ (самка дрозда), батать (болтать ногами), пале́н̯а); въ начальномъ слогѣ слова, начинающемся гласнымъ на мѣстѣ этимологическихъ *а* и *о* (азы́ (буквы), Акулина, астрожнай (арестантъ), апкидал, атлупцу́йу̯ (побью), абы́л′ (бобыль), абвиновнâй (виноватый), атруɣат′, асабачицэ̄ (поссориться), ахалпе́лâй (ошалѣвшій), а также иногда въ начальныхъ сочетаніяхъ *ар, ал*, восходящихъ къ слоговымъ плавнымъ аржаной, арцы (названіе буквы р—рцы), ал′не•но́й.

Послѣ палатальныхъ согласныхъ *а* имѣетъ нѣсколько переднеѣебный оттѣнокъ (м′а́хк̯ай, с′а́дӯ, в′алай), который усиливается передъ слѣдующимъ мягкимъ согласнымъ (ɣл′ат′, д′а́л′а̯, т′а́ниш, с′ат′, кл′а́д′б̯а (клятва), з′а́т′ӯ). Послѣ твердаго согласнаго передъ слѣдующимъ согласнымъ палатальнымъ *а* пріобрѣтаетъ очень слабый передненебный оттѣнокъ: въ словахъ мат′ || ма́тӯшк̯а: садик || сат; да́чк′а || Да́ш̯а; дад′им || дадут′ *а* въ первомъ рядѣ случаевъ отличается отъ *а* второго ряда слабой передненебной окраской.

Гласный *о* полнаго образованія наблюдается исключительно въ ударномъ слогѣ, если не считать отмѣченнаго въ трехъ случаяхъ (ɣ̯алобе́й, пр̯алобе́й, разома́ (разума) въ непосредственно предударномъ слогѣ *о*, возникшаго очевидно подъ вліяніемъ формъ N. Sg. ɣо́л̯аб′, про́л̯аб′, ра́з̯ам. Передненебную окраску *о* пріобрѣтаетъ въ случаяхъ и въ степени, ука-

занныхъ выше для *а* (дʹон (G. Pl.), кастʹор, Фʹо́да̂р, лʹон, йо́жа̲к; дʹе[ь]нʹочи̲к, Лʹови́ (Лёвѣ); сʹве[ь]кро́вйу̂, Со́нʹка̲).

Гласный *у* полнаго образованія ненапряженный встрѣчается въ непосредственно предударномъ слогѣ (дрибузγа́ (ворчунъ), кусачкʹа̂й, руγачкʹа̂й, γуртуи̲тʹ (воркуетъ), пузыʹрʹ, бузуйа̲ (хлещетъ), сутулâй, атруγатʹ, дупцыʹ, пустой, изγнувацâ (издѣваться), шумнула̲ (крикнула), крупа́). Ненапряженный *у* полнаго образованія встрѣчается въ началѣ слова въ любомъ предударномъ слогѣ (ухади́, учи́лси, утащи́л), при этомъ однажды находимъ его въ этомъ положеніи на мѣстѣ этимологическаго *о* въ утʹнʹа́тʹ, утыму́ (утыму въ письмѣ М. П. Ходаковой). Слѣдуетъ отмѣтить немногочисленные случаи съ *у* на мѣстѣ *е* (узʹал, у ле[ь]γушку, у луγа́, у лʹудʹа́х, у дʹве[ь]наца̄тʹ, у балʹницу), и встрѣченный однажды неслоговой *ў* на мѣстѣ *е* (хўост).

Послѣ твердыхъ согласныхъ передъ слѣдующимъ палатальнымъ *у* такъ же, какъ *а* и *о*, принимаетъ слабый передненебный оттѣнокъ (судʹйа́, γуʹа́л, рубитʹ). Послѣ палатальнаго согласнаго передъ слѣдующимъ твердымъ мѣсто артикуляціи при *у* оказывается въ бо́льшей степени передвинутымъ впередъ (чудâк, чулâн, лʹушнʹа (лѣвша), блʹуткайа̲ (заботливая); въ положеніи же между палатальными согласными артикуляція при *у* получаетъ замѣтный передній характеръ (чумичкʹа̲ (уполовникъ), лʹубитʹ, клучи́, плʹуйо́, тʹулʹе́нтий (очень спокойный и нерасторопный человѣкъ).

Средній рядъ. Гласный *ы* полнаго образованія ненапряженный наблюдается въ непосредственно предударномъ слогѣ (быстрʹе́й, мычʹатʹ, рыбâк (птица), сыро́й, бычо́к). Въ предударномъ слогѣ подъ-вліяніемъ ассимиляціи къ гласному слѣдующаго ударнаго слога *ы* встрѣ- чается вмѣсто *а* въ формѣ кыбы. Послѣ *р* за группой согласныхъ *ы* находимъ на мѣстѣ *и* и *е* (стрыγуʹтʹ, вâскрысе́нйа̲, γрыбы́, стрылʹа́тʹ).

Передній рядъ. Гласный *е* ненапряженный наблюдается въ ударномъ слогѣ передъ твердыми согласными (ме́шкâтʹ,

с'е́рп, в'ерх, церкав', пе́рвай, ме́рка, йе́хат', д'ела, правале́найа, нивдаме́к). Въ послѣднихъ двухъ формахъ *е* находимъ на мѣстѣ ожидаемаго *о*, какъ и въ свале́найа дерiва и въ прайавле́най (гдѣ мы имѣемъ дѣло съ очевиднымъ церковно-славянизмомъ).

Гласный *и* полнаго образованія безъ оттѣнка напряженности встрѣчается въ предударныхъ слогахъ, какъ начальный гласный слова (изба́, ига́, ико́на, изна́нка).

Гласный e^a полнаго образованія ненапряженный можетъ быть опредѣленъ, какъ широкій *е*, приближающійся къ *а*. Это приближеніе иногда столь значительно, что e^a совпадаетъ съ *а* полнаго образованія послѣ мягкихъ согласныхъ. e^a встрѣчается только въ непосредственно предударномъ слогѣ послѣ мягкихъ согласныхъ и шипящихъ передъ твердыми (но не отвердѣвшими согласными) на мѣстѣ этимологическихъ *е* (*ѣ*) и *а* (в л'е^{a}су́, ве^{a}ду́, пл'е^{a}ту́, ве^{a}сна́, ле^{a}тат', ре^{a}бо́й, с'е^{a}ло́, в'е^{a}зат', те^{a}ну́т', с'е^{a}стра, же́^{a}на, на бире^{a}гу́, тре^{a}су́, пе^{a}ту́х, ве^{a}дро́, с'те^{a}ко́л'шык, ме^{a}тло́ (метла), ме^{a}рлу́га (берлога), бре^{a}хло́ (ругатель), тре^{a}пло́ (хвастунъ, бездѣльникъ), ве^{a}ха́, бе^{a}гу́чайа, гре^{a}бло́ (катокъ для сгребанья зерна), п'е^{a}ку́т' ф' чире^{a}пу́шки йе^{a}во, гре^{a}хо́вайа (бѣдовая); три пираγа́ прине^{a}сла́, -ана фс'е с'те^{a}са́ла; дре^{a}сва́ (нерасторопный человѣкъ), дре^{a}ма́т', на́че^{a}сала, да́ве^{a}зу́, ф каре^{a}нуйу (совершенно), за́пе^{a}рла́, с'ле^{a}по́й, не^{a}мой, че^{a}ты́ри, пэче^{a}му́, с'те^{a}пны́н, пе^{a}сок, ве^{a}нок, те^{a}лочык, γэре^{a}мы́шкэ, на дре^{a}ва́х (на деревьяхъ), йе^{a}ры́γа (вро́ди бро́н'ӯц̄а), р'эшато́, бе^{a}да). Послѣ шипящихъ вмѣсто e^a иногда наблюдается *ы* (жыла́н̄ык (любимецъ).

Гласный e^i полнаго образованія ненапряженный. встрѣчается только въ непосредственно предударномъ слогѣ послѣ мягкихъ согласныхъ и шипящихъ передъ мягкими и отвердѣвшими согласными на мѣстѣ этимологическихъ *е* (*ѣ*) и *а* и можетъ быть опредѣленъ, какъ узкій *е*, приближающійся (и иногда очень зна-

чительно) къ *и* полнаго образованія (неiсн', веiзн' жеiних, беiжыт', леiтит', γлеiжу', леiчит', треiси', фстреiчаицa, сеiн'ик, заneiйо', жеiл'ел, веiр'овэч'к'а, с'меiйуцa, падйеiж'ч'аит', веiл'ела, веiнчат', т'еiк'от, (течетъ), реiбина, плеiшы', γрибеiшок, с'неiжок, меiшок, г жеiн'е', ц'еiркóвнай, читв'еiрγóвайa, чеiрвóчки (червячки), веiрхóм, сеiрпóм, с'пеiрва'). Послѣ шипящихъ вмѣсто ожидаемаго *еi* иногда наблюдается *ы* (жыл'ел, жыл'езнай, да шыс'ти рас).

Относительно напряженныхъ гласныхъ описываемаго говора нужно замѣтить, что характеръ напряженности ихъ вообще не силенъ. Можно съ увѣренностью указать на напряженность *о* передъ слѣдующимъ твердымъ *л* въ закрытомъ или приближающемся къ закрытому слогѣ (γôл, шôл, тôлкŷ-нэт, иγôлкa, шôлкавай, у пôлнач, тôлкa, γôлэдам), *е* передъ слѣдующимъ палатальнымъ согласнымъ (д'ети, вéтир, вéр'ит', пéчк'a, чéр'ти, у пéмк'и, д'éн'г'и, л'éн', С'éн'к'a, Сеiрéн'а (уменьшительное отъ Сергѣй), γрабéл'шык (грабитель), дрибеiдéн' (очень старый человѣкъ), уплéт'ник (лента въ косѣ), мéч, мéчик (мячъ—съ *é* между палатальными согласными на мѣстѣ *a*) и *â*, гласнаго передняго ряда, близкаго къ гласному звуку въ словѣ *зять* въ литературномъ языкѣ отмѣченнаго въ описываемомъ говорѣ только въ двухъ случаяхъ: чâщи (чаще) и здâрав'âщи (здоровящіе, очень здоровые),—оба раза въ ударномъ слогѣ послѣ мягкаго согласнаго передъ палатальнымъ сочетаніемъ *щ*.

Мнѣ кажется также, что оттѣнокъ напряженности имѣютъ: *а* въ ударномъ закрытомъ слогѣ передъ слѣдующимъ твердымъ *л* (ап'кидáл, беiжáл, давáл, пáлкa, жáлка), съ нѣсколько передненебной окраской этого напряженнаго *â* послѣ палатальныхъ согласныхъ (мачáлкa, γул'âл) и ударные *и*, *ы* и *у* (йдŷт', висйт', кйслâй, γрабнйцa, (плащаница), вйхар (вцтравой ничистâй), вйлы, γ(й)йр'a, внйч (ничкомъ), жычйнa (розга), крпдйтнâйa (почтенная, солидная жен-

щина), сӣ́тнâй, пайӣ́ст′, дӣ́вир′, призрӣ́ла (позаботилась о комъ).

Въ послѣднихъ трехъ случаяхъ *ӣ* находимъ на мѣстѣ древняго *ѣ*. Кромѣ этихъ словъ съ *и* вмѣсто ожидаемаго *е*, распространенныхъ и въ другихъ рязанскихъ говорахъ (ср. Будде «Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій», стр. 33), находимъ въ описываемомъ говорѣ меi̯д′ви́т′ и уби́ч (медвѣдь, убѣжать). Примѣрами напряженнаго *ы̂* могутъ служить: в ы̂́збу, гарбы̂́л′ (горбунъ), бисамы̂́ка (бѣсомыка. безпокойный человѣкъ), гры̂́жа (ворчливая женщина), лы̂́чки, мы сы̂́ти (сыты), кы̂́ска (кошка), ры̂́га (рига), вы̂́шэнӣ́йа (вишни), мы̂́ла).

Напряженный *ŷ* отмѣченъ въ слѣдующихъ случаяхъ: (дŷ́ра, кŷ́рэца, притŷ́ла (жердь), мŷ́шки хрŷ́скâй (жёсткій— мâхкâ сцё́ла, да хрŷ́ска спа́т′тâ), сэмадŷ́р, пŷ́пâр (струпъ), бал′шŷ́ха (рослая женщина), бурмŷ́с (женская верхняя одежда), литŷ́шкâ (кни́шкâ у каро́вы), бŷ́ква (брюква), барсŷ́к). Ударный *ŷ* имѣетъ слабый передненебный оттѣнокъ передъ слѣдующимъ палатальнымъ согласнымъ (сŷ́д′йи, рŷ́ки, хŷ́дін′кâйа), тотъ же оттѣнокъ въ болѣе сильной степени свойственъ напряженному *ŷ* послѣ мягкаго согласнаго (фл′ŷ́фл′â (нерасторопный человѣкъ), чŷ́да лŷ́днаӣ), между палатальными же согласными *ŷ* имѣетъ замѣтную передненебную окраску л′ŷ́б′а (любить), кл′ŷ́чик, з′ŷ́з′а (пьяница).

Относительно напряженности слѣдуетъ еще разсмотрѣть *и* въ непосредственно предударномъ слогѣ за согласнымъ. Трудно сказать, свойственъ ли ему здѣсь вообще напряженный оттѣнокъ въ описываемомъ говорѣ, но при сильномъ подчеркиваніи говорящимъ лицомъ слова, въ составѣ котораго онъ входитъ, мнѣ слышался въ его непосредственно предударномъ слогѣ напряженный *и̂* (пи̂с′мо́-та, при̂шо́л, си́л′не́й, ки̂да́й, ви̂со́кай, ди̂р′а́). Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ *и̂* находимъ на мѣстѣ *ы*, какъ и въ другихъ рязанскихъ говорахъ.

Гласные неполнаго образованія.

Гласные неполнаго образованія встрѣчаются въ неударныхъ слогахъ, кромѣ слога непосредственно предшествующаго ударному. Они распадаются, какъ указано выше, на три категоріи. Въ первой изъ нихъ находимъ гласный, отличающійся самой низшей степенью вокализаціи, связанной съ почти спокойнымъ состояніемъ произносительнаго аппарата.

По мѣсту артикуляціи этотъ звукъ слѣдовало бы отнести къ гласнымъ средняго ряда послѣ твердыхъ согласныхъ, послѣ мягкихъ же его артикуляція принимаетъ болѣе передній характеръ.

Въ описываемомъ говорѣ этотъ гласный, обозначенный въ транскрипціи черезъ ə, находимъ въ слѣдующихъ случаяхъ: во второмъ предударномъ слогѣ: пəвеⁱзи́, разбəгат'е́ли, рəзлива́ицə, γəвар'ат', пəталок, сəмапр'ахâ, пəтащил, цəплачо́к, кəлако́л'нə, зəклати́л, мəлако́, стəрика́, бəшмаки, вəлачит', тəпарищốф, хəладно́, стрəмати́ш); въ первомъ заударномъ неконечномъ слогѣ (ба́рəнə, вытəщи́лə, высəпа́лə, йагəткə, ба́бəшкŷ, т'о́лəчк'ə, кŷр'əцə, ножнəцы̂, махотəчк'ə (небольшой горшокъ), новəми (новыми), старəста, ка́мəшки, палəчк'ə, γо́ləвŷ, спрашəваит', γрамəта, о́тəра̂п', лавəчк'а, д'евəчк'и, маləвə, зо́ləтə, γо́ləда̂м, ко́ləка̂л, йоləчк'ə); во второмъ заударномъ неконечномъ и третьемъ предударномъ слогѣ (ста́рəстəми, бабəшкə-та̂, рəстəрмашы́л, пəстəнавит'), въ конечномъ слогѣ (каторəм, с'ве·крушə, на́-вət, на́-пəл, наsóжəн, с'меⁱни́лс'ə, сработə, нāхо́тə, р'ежə, ста́рəй, пра́вдə, пахо́жə, Да́шкə, ло́шкə, ады́мə, γо́рə, стару́хə, ба́бŷшкə, ножək, укралə, т. е. которымъ (D. Pl.), свекруша, свекровь, на́-вотъ, на́-полъ, наsóженъ, смѣнился, съ работы, на охоту, рѣже, старый, правда, похожи, Дашка, ложку, отъ дыму, горы, старуха, бабушку, ножикъ, украла).

Послѣ мягкихъ согласныхъ *ə* имѣетъ нѣсколько передненебный оттѣнокъ (Манʼə, бабанʼə, поʼлəсу̂, Сʻиʻнʼəнʼкʼё балоʻта), колʼəцᾱ (колется), зʻ дʻаʻдəми, клубочəк, чайəм, нʻəчевоʻ).

Въ двухъ случаяхъ *ə* отмѣченъ въ непосредственно предударномъ слогѣ (гəлоʻднâйа, захəтʻеʻлась). Оба эти случая въ виду своей единичности врядъ ли могутъ быть приняты во вниманіе, такъ какъ эта крайняя степень редукціи гласныхъ въ слогахъ, гдѣ совершенно обычны гласные полнаго образованія могла быть вызвана въ нихъ физіологическими причинами не языкового характера.

Кромѣ того *ə* въ непосредственно предударномъ слогѣ находимъ въ формѣ фпихəнуʻли, гдѣ для присутствія гласнаго между *х* и *н* нѣтъ фонетическихъ основаній и гдѣ мы очевидно имѣемъ дѣло съ аналогіей морфологическаго характера.

Ко второй категоріи, обнимающей звуки со слабой степенью вокализаціи въ направленіи къ тому или другому гласному полнаго образованія, принадлежатъ слѣдующіе гласные.

Задній рядъ. Редуцированный гласный *â*, слабо вокализованный въ направленіи къ *а*. Чередуясь съ *ə* и съ *а̲*, *â* встрѣчается въ неударныхъ слогахъ, кромѣ непосредственно предударнаго, главнымъ образомъ на мѣстѣ этимологическихъ *а* и *о*: во второмъ предударномъ слогѣ: пâбеᵎгулиʻ, зâхадиʻ, стâрикаʻ, гâлалʻоʻткâ (гололедица), гâрнастаʻй (озорникъ), вâласаʻ, рâзʻвихлʻаʻй (человѣкъ съ невѣрной походкой); въ третьемъ предударномъ слогѣ: зâлатуʻшпâй, пâстəнавиʻтʻ, бâрəнаваʻтʻ, рâскалатиʻтʻ, пâхəраниʻл; въ первомъ ударномъ слогѣ: дʻеʻвâчкâ, прыгâитʻ, йаʻгâда̲ф, заплаʻкâла̲, пасыʻпâлись, дыʻрâчкʻу, баʻбушкâ-та̲; во второмъ заударномъ слогѣ: краснʻінʻкʻâйа̲, споʻлəсâми, шоʻлкəвâйа̲, игоʻлəчкʻâ-та̲; въ конечномъ слогѣ: маʻлâ, рыгâ, беᵎжаʻнкâ (бѣглянка), хадилâ, пуʻстилâ, шыпкâ, рыбâ, нивароʻчâйцᾱ, бизʻдеʻлкâ (безтолковая женщина), блʻуʻдâ (глиняная чашка); с маслâм, внуʻкâм, мазâтʻ, прыгâл, йоʻжâк, праслʻаʻтâм, к сабакâм).

Иногда *â* наблюдается на мѣстѣ *у* въ непосредственно заударномъ неконечномъ слогѣ (вы́рâчк'а, вы́вâчк'а, (выучка), вы́тâрит', вы́дâли (вы́дули), Ал'о́нâшки, харошâйу, первâйу) и въ конечномъ (го́лâб', про́лâб', о́мât, вы́дâл (выдул); на мѣстѣ *ы* *â* наблюдается въ формѣ ло́дâр' (лодырь). Въ письмахъ М. П. Ходаковой: пожалоста, на железнаю дорогу, хозяйствоитъ, маленькою (Acc) посоветай (посовѣтуй) подысковоимъ, хорошои дачи (N. Pl.).

Гласный *о* неполнаго образованія, слабо вокализованный въ направленіи къ *о*, наблюдается въ описываемомъ говорѣ только въ немногихъ случаяхъ въ заударныхъ слогахъ: кл'у́н'б, тэпари́щбф, з ба́рын'бй, в'е[i]р'овачк'бй, жыре[i]б'оначк'бм, скол'к'б, возникшихъ можетъ быть подъ вліяніемъ формъ съ ударнымъ о въ конечномъ слогѣ (самной, пайдо́'); послѣ *п* и *б* на мѣстѣ этимологическихъ *ы* и *о*: по́бблᵢ, вы́ббли, по́ббл, вы́ббл, по́-пбл'ў, на́-пбл, во́-пблᵢ.

Гласный *ў* неполнаго образованія, слабо вокализованный въ направленіи къ *у*, встрѣчается, какъ и *â* въ неударныхъ слогахъ, кромѣ непосредственно предударнаго: во.второмъ предударномъ слогѣ: улўбако́, чўмава́йа (бѣдовая), сўпративнаᵢй, бўзава́т', кўле[i]шу́, рўкава́, чўде[ъ]со́ф; въ третьемъ предударномъ слогѣ: улўхэне[ъ]мо́й; въ первомъ заударномъ слогѣ ба́бўшкаᵢ, ва́лўхиᵢ, палу́дрўжйаᵢ, д'еўшкаᵢ, галоўшкаᵢ; во второмъ заударномъ: бабэшкў-туᵢ, го́лэвў-туᵢ; въ конечномъ слогѣ: Машў, ни станў, за ры́ўў, вла́фкў, вы́збў; йдўт', про́с'ўт'.

Въ непосредственно заударномъ неконечномъ слогѣ *ў* находимъ на мѣстѣ этимологическихъ *а* и *о* (шу́бўми, тулу́пўми, з улу́пуми р'е[i]б'атâмиᵢ, с внукўм ы з до́чк'âй, дала падру́ўм па ло́шки). Появленіе въ непосредственно заударномъ неконечномъ слогѣ *ў* въ случаяхъ, подобныхъ приведеннымъ, связано съ присутствіемъ *у* полнаго образованія въ ударномъ слогѣ.

Редуцированные гласные задняго образованія, принадлежащіе къ разсматриваемой категоріи, обнаруживаютъ слабое колебаніе относительно мѣста артикуляціи въ зависимости отъ качества сосѣднихъ согласныхъ. Сосѣдство съ палатальными, по крайней мѣрѣ положеніе между мягкими согласными, связано съ нѣкоторымъ передвиженіемъ впередъ мѣста артикуляціи при разсмотрѣнныхъ редуцированныхъ гласныхъ: въ кра́с'н'ін'-к'а̂йа̯, ве'р'о́ва̂чк'о̂й, чу̂де'со́ф, *а̂*, *о́* и *у̂* имѣютъ болѣе передній характеръ сравнительно съ этими гласными въ по́лэ-са̂ми, по́бо̂л, ру̂кава́.

Средній рядъ. Гласный *ы̂*, неполнаго образованія, слабо вокализованный въ направленіи къ *ы*, наблюдается въ неударныхъ слогахъ, кромѣ непосредственно предударнаго, на мѣстѣ этимологическаго *ы* (вы̂хади́ла̯, сы̂раварâм-та̯, вдо́сы̂ти (вдоволь), ми́лы̂ми, кра́сны̂м, с'ничи́сты̂м, каро́вы̂, ба́бы̂) и на мѣстѣ этимологическихъ *и*, *е* послѣ шипящихъ жы̂ва-пи́сиц (иконописецъ), но́жы̂к, вы́шы̂л (вышелъ).

Въ конечномъ слогѣ *ы̂* послѣ шипящихъ чередуется съ *а̂* и *а*: нину́жа̯н, вы́ша̂лъ, йожа̯к (не нуженъ, вышелъ, ёжикъ).

Въ непосредственно заударномъ неконечномъ слогѣ *ы̂* наблюдается иногда на мѣстѣ этимологическихъ *о* и *а*, причемъ въ ударномъ слогѣ находимъ *ы* полнаго образованія (вы́сы̂хли, вы́мыкли, вы́скы̂чила̯, вы́ты̂щила̯, вы́бры̂с'и̯ли при вы́са̂х, вы́ма̂к, вы́бра̂с').

ê редуцированный гласный средняго ряда, слабо вокализованный въ направленіи къ *е* встрѣчается на мѣстѣ ожидаемаго *ы* въ непосредственно заударномъ и конечномъ слогахъ послѣ твердыхъ шипящихъ и *р* (вы́рê̯л, вы́рê̯ли, вы́шê̯л, вы́шê̯ли, вы́шê̯ла̯, вы́жê̯л, вы́жê̯ла̯, ба́рê̯на̯, вы́стрê̯лил вы-стрê̯ли при стрыла́т', стры́ли).

Передній рядъ: *и̂* редуцированный гласный, слабо вокализованный въ направленіи къ *и*. Этотъ гласный наблюдается въ заударныхъ неконечныхъ слогахъ (вы́тэщи̯ла̯, три пало́-ти̯нки, старайи̯ца̯, вичи́нки̯-та, по́д'ни̯зам).

Въ конечномъ слогѣ *ĭ* встрѣчается въ частицѣ вит' (вѣдь), въ которой въ описываемомъ говорѣ постоянно находимъ *и* на мѣстѣ древняго *ъ*.

Промежуточное положеніе между двумя разсмотрѣнными категоріями редуцированныхъ гласныхъ занимаютъ гласные, вокализованные сильнѣе, чѣмъ ə, но въ то же время редуцированные въ бо́льшей степени, чѣмъ гласные неполнаго образованія второй категоріи. Въ транскрипціи эти гласные обозначены черезъ *ă* и *ă*.

ă гласный средняго ряда, очень слабо вокализованный въ направленіи къ *а*. Онъ встрѣчается послѣ твердыхъ согласныхъ преимущественно въ заударныхъ неконечныхъ слогахъ на мѣстѣ *а*, *о* и *ы*, чередуясь съ *а* и *ы* неполнаго образованія (шо́лкăвăйа, и́збăми, з ба́бăми, йе́хăла, пла́кăлă, птицăми, ви́лăми || ла́пăми, ми́лăйа, ро́звăйа, залы́сăва, γлу́пăйа || убитыйа (N. Sg.); милыя бабушка, ненастныя погода въ письмѣ М. П. избыми, ма́лывă, но́выйа (N. Sg.), не резыла (не рѣзала) у М. П.; йаблăка, зγо́лăдў, ки́слăмў || ми́лăму ста́рăсти, астро́жнăму || краснымў, золыта; старăми, быстрăи (N. Pl.), с'ки́слăми, зе'л'онăми || з'бе́днăми, краснăми кле́тэчкими || шо́лкэвыми, бе́лыми, жо́лтыми с'ве'точкими).

Кромѣ того ă отмѣченъ во второмъ предударномъ слогѣ: ма́ладбй, пăзави́ въ чередованіи съ *ă* и *ъ*: пылажы́л, сыхрани́, дыγле'ди́ш || пăзаву́, дăве'зу́, пăтащи́л, дăхади́л.

ă въ столь же сильной степени, какъ и *ă*, редуцированный гласный передняго ряда, слабо вокализующійся въ направленіи къ *а*. *ă* встрѣчается послѣ мягкихъ согласныхъ въ заударныхъ слогахъ на мѣстѣ *а*, *о* и иногда *и* и чередуется съ отличающимся передней артикуляціей *а* неполнаго образованія и съ редуцированнымъ *и*. (ба'нăми, д'а́дăми, с ма'тĭр'ăми, вну́чк'ăми, ар'е́х'ăми; ма́л'ин'к'ăмў; с'ин'ăми || т'о́т'ăми, плат'ĭăми,

жо́лтӣнʹкӑмӯ; вну́кими, лисʹтʹӣми, далʹнийа (N. Sg. fem.); въ конечномъ слогѣ: с ка́тʹӑй, зʹдʹа́дʹӑй || с Ванʹа́й.

Приведенныя выше чередованія *ы̆* || *ӑ* позволяютъ можетъ быть предполагать, что довольно многочисленные случаи съ *ы* въ неударныхъ слогахъ на мѣстѣ этимологическихъ *а*, *о* (пылажы́л, дыγлеᵗди́ш, сыхрани, сыпалиси, убитыйа, сыраку, новыйа; не резыла, ненастныя, милыя въ письмахъ М. П. Ходаковой) могли возникнуть, благодаря развитію въ нѣкоторыхъ случаяхъ усиленія вокализаціи — средненебнаго элемента ӑ, что приблизило его не къ *ӑ*, какъ въ большинствѣ случаевъ, но къ *ы̆*.

Относимые къ третьей категоріи редуцированные гласные, отличаются сравнительно сильной степенью вокализаціи, приближающей ихъ къ гласнымъ полнаго образованія.

Къ этой категоріи принадлежатъ слѣдующіе гласные.

Задній рядъ: *а̯* гласный близкій къ *а* полнаго образованія, но отличающійся менѣе энергичной артикуляціей. Этотъ звукъ встрѣчается на мѣстѣ этимологическихъ *а* и *о* въ неударныхъ слогахъ, кромѣ непосредственно предшествующаго ударному (а̯беᵗжа́л, па̯сматри́тʹа̯, ры́пка̯ зало́ты̆ва̯итʹ, нищӑ́сна̯йа̯, не́шта̯ мы абни́щинка̯в ра̯γава́ри̯ва̯им! сʹе́ра̯йа̯ пла́тʹйа̯ харбшайа̯, масла̯ ру́ска̯йа, кака́ва̯ (какао) о́чип дараγа́йа). *а̯* неполнаго образованія, встрѣчается иногда въ конечномъ открытомъ слогѣ на мѣстѣ *ы̆* въ частицѣ ба (вм. бы) (спала́ ба̯, при хади́ла бы, пашла́ бы̆ и на мѣстѣ *у̯* въ ширстану́йа̯, γра́знуйа̯ γалубу́йа.

у̯ гласный близкій къ *у̯* полнаго образованія, но отличающійся нѣсколько ослабленной артикуляціей, наблюдается, какъ и а̯, въ неударныхъ слогахъ, кромѣ непосредственно предударнаго (пу̯стʹила́ на γрʹех! журавли́ны̯ длины̯ ноγи, з бу̯кварʹо́м пришла́,—шко́лʹница̯! ры́γу̯-ту; γдʹе́у̯ш! на̯ васʹму́йу̯ у́лицу̯, к ужо́тка̄му̯ (оставить къ ужоткому, чтобы съѣсть послѣ), ба́бушку̯-ту̯.

Послѣ палатальныхъ согласныхъ и въ особенности между палатальными а и у имѣютъ нѣсколько передненебный оттѣнокъ (чумаво́й! изл'у̯бапы́тствуй, чуд'е·са́).

Средній рядъ: ы̯ гласный неполнаго образованія, сильно вокализованный въ направленіи къ ы, встрѣчается въ неударныхъ слогахъ кромѣ непосредственно предударнаго (выдава́л̯а, жы̯вад'бо́рка, рыбаки́-т̯а, ки́слыми, с̄тарым, о́кны, пи́с'мы̯).

Передній рядъ: и̯ слабо редуцированный гласный, сильно вокализующійся въ направленіи къ и полнаго образованія. Въ описываемомъ говорѣ и̯ наблюдается на мѣстѣ этимологическихъ и, е (ѣ) и а послѣ мягкихъ согласныхъ въ неударныхъ слогахъ, кромѣ непосредственно предударнаго слога (лихама́нк̯а (лихорадка), миравой, мидава́йа̯ йа́блӑка̯, витраво́и д'йа́вӑл, питушо́к, плисава́я, ридаво́й, бе́л̯ин'к̯а̯й, мо́лиц̯а, бра́жник (жбанъ), в'е́тир, бе́рих, ка́мин', м'есиц, по́йи̯с (вѣтеръ, берегъ, камень, мѣсяцъ, поясъ). Въ непосредственно заударномъ неконечномъ слогѣ и̯ на мѣстѣ этимологическихъ е и а часто отличается слабой приближенностью къ е. Въ транскрипціи этотъ звукъ обозначенъ черезъ і (коль'іц̯а, ве́чірӑм, ма́т'іри, мал'ін'к̯а̯й, камі-н̄а̯й, про́клітаӣ).

Въ конечномъ слогѣ и̯ на мѣстѣ этимологическаго е чередуется съ а неполнаго образованія (с̄ы̯рам карава́йам, с прийа́тіл'а̯м, бра́т'а̯ц, сматри́т'а̯, хадит'а̯, вы што γрахо́чит'а̯ (смѣетесь), пəγлеⁱдит'а̯, дайт'а̯ (при прине́ⁱси́т'и̯, сиди́т'и̯, нал'е́йт'и); пайеⁱж'ӑа́н'а̯ (при креⁱс'т'йан'и̯); за́фтр̯а̯, по́сл'а̯.

и̯ никогда не встрѣчается на мѣстѣ е въ конечномъ открытомъ слогѣ въ формахъ N. A. Sg. средняго рода какъ *горе, платье*, въ которыхъ постоянно находимъ а неполнаго образованія (плат'йа̯, васкрысе́н'йа̯, пры̯вид'е́н'йа̯, варе́н'йа̯, γор'а̯) и въ 3 Sg. Praes. въ формахъ безъ окончанія -*ть* (нос'а̯, ход'а̯, приγаварывайа, буд'а̯).

Въ формахъ сравнительной степени, въ конечномъ открытомъ слогѣ отмѣчены главнымъ образомъ *и* и *ы*: че¹же́ли, ча̂щи, каро́чи, ле́к'чи, де¹ше́вли, бо́ли, у́жы, бли́жы, γлу́пшы, ху́жы, дал'шы (при дал'ша́), дорожы, дальшы въ письмѣ М. П.

Въ N. A. Pl. полной формы прилагательныхъ и мѣстоименій въ конечномъ слогѣ постоянно наблюдается *и* неполнаго образованія, и только однажды въ плясовой пѣснѣ («Эй Матвѣй...») находимъ въ этомъ положеніи *а* почти полнаго образованія подъ вторичнымъ ударе́ніемъ (кады будут' худы́йа́, тады купимъ друγи́йа́).

Во всѣхъ другихъ случаяхъ въ конечномъ слогѣ наблюдается редуцированный *и*, который слѣдуетъ непосредственно за *ы* или *и* предпослѣдняго слога, не будучи отдѣленъ отъ него согласнымъ *й*, какъ въ приведенныхъ выше примѣрахъ (худы́йа́, друγийа): кото́рыи, бал'шы́и, си́л'ны̂и, жо́лты̂и протчии, си́нйи, дал'нйи, рускйи, такйи.

Изъ предшествующаго обзора гласныхъ описываемаго говора видно, что характерными особенностями его со стороны вокализма являются: присутствіе *а* въ непосредственно предударномъ слогѣ на мѣстѣ этимологическихъ *а* и *о* (аканье); замѣна въ томъ же слогѣ этимологическихъ *е* и *а* послѣ мягкихъ согласныхъ широкимъ *е*, приближающимся къ *а*, передъ твердыми согласными и узкимъ *е*, приближающимся къ *и*, передъ мягкими и отвердѣвшими (умѣренное аканье и иканье) и чередованіе въ неударныхъ слогахъ, кромѣ непосредственно предшествующаго ударному, гласныхъ неполнаго образованія, подвергшихся различной степени редукціи.

Первая изъ этихъ особенностей привела къ распространенному въ акающихъ говорахъ смѣшенію *о* и *а* въ ударномъ слогѣ.

Подъ вліяніемъ такихъ чередованій, какъ ходи́т' || хо'д'у̂т'; акно́ || о́кны, въ описываемомъ говорѣ возникли чередованія

бад'йа' || бод'йи; брани́т' || бро́н'ӯца; свали́т' || своли́т'; кати́т' || ко́т'а; тащи́т' || то́щӯт'; плати́т' || плоти́т'; сади́т' || со́дит'. Подъ вліяніемъ *а* въ непосредственно предударномъ слогѣ въ лави́т' могла возникнуть единичная въ описываемомъ говорѣ (извѣстная и другимъ акающимъ говорамъ) форма ла́виш, ла́в'ут', если только въ этомъ случаѣ мы не имѣемъ дѣла съ древнимъ *а* (Ср. Дурново. Описаніе гов. дер. Парфёнокъ. Р. Ф. В., т. XLVI, стр. 141).

Проведеніе другой характерной черты вокализма описываемаго говора — яканья и иканья отличается въ немъ значительною послѣдовательностью.

На мѣстѣ *е* и *а* въ непосредственно предударномъ слогѣ послѣ палатальныхъ и шипящихъ почти вполнѣ регулярно находимъ e^a передъ твердыми и e^i передъ мягкими и отвердѣвшими согласными. Рѣдкія исключенія, какъ на б и р e^a ш к у́, лягли вм. лигли или легли въ письмѣ М. П. Ходаковой, объясняются аналогіей къ такимъ формамъ, какъ на б и р e^a γ у́, л e^a γ л а́.

e^i въ непосредственно предударномъ слогѣ явилось въ нашемъ говорѣ очевидно подъ суживающимъ вліяніемъ послѣдующаго мягкаго согласнаго, вслѣдствіе подготовленія палатальной артикуляціи послѣдняго; начало же возникновенія e^i очевидно предшествуетъ отвердѣнію шипящихъ, такъ какъ передъ ними наблюдается e^i (а не e^a), какъ передъ мягкими согласными. Что въ указанномъ явленіи мы имѣемъ дѣло съ вліяніемъ качества согласнаго, а не гласнаго послѣдующаго слога, доказываетъ присутствіе e^i передъ палатальными отвердѣвшими согласными, за которыми слѣдуетъ гласный задняго образованія (γ л e^i ж у́, м e^i ш о́к, б e^i ж а́т', в e^i л а́т', лошыдямъ въ письмѣ М. П. Ходаковой).

Нужно замѣтить, что e^i въ непосредственно предударномъ слогѣ наблюдается передъ согласными въ настоящее время непалатальными не только въ такихъ случаяхъ, какъ γ р и б e^i ш о́к, л e^i ж у́, б e^i ж а́т', с e^i р п о м, ч и т' в e^i р γ о́ в а й а, в e^i р х о́ м, ц e^i р к о в н а й, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ нѣкогда несомнѣнно палатальнымъ согласнымъ, но и въ такихъ случаяхъ какъ

бе^{i}гли, пе^{i}кли, не^{i}сли́, ве^{i}зли, въ которыхъ за *е^{i}* слѣдуетъ твердый въ настоящее время согласный, на прежнюю мягкость котораго указываетъ только изрѣдка наблюдаемая палатальность свистящихъ въ формахъ подобныхъ не^{i}сли́, ве^{i}зли́. Что же касается задненебныхъ, то они если и были когда-нибудь мягки въ подобныхъ случаяхъ, не сохранили никакихъ слѣдовъ былой палатальности. Но трудно думать, чтобы въ указанныхъ формахъ подготовка палатальной артикуляціи л' (въ настоящее время здѣсь въ слабой степени смягченнаго) прерывалась совершенно при артикулированіи отдѣлявшаго его отъ гласнаго задненебнаго. Скорѣе можно предполагать нѣкоторую палатализацію послѣдняго, на возможность которой указываютъ изрѣдка замѣчающаяся указанная выше мягкость *з*, *с* въ формахъ подобныхъ ве^{i}зли́, не^{i}сли́ и смягчаемость задненебныхъ передъ палатальными согласными, наблюдаемая, хотя и рѣдко, въ описываемомъ говорѣ.

Особаго разсмотрѣнія заслуживаетъ судьба непосредственно предударнаго *е* въ предлогахъ, приставкахъ и отрицаніи *не*. Въ нихъ, за исключеніемъ двухъ случаевъ (не^{a}мно́шка̂ и не^{a}бос́), ни разу не встрѣчается ни *е^{a}*, ни *е^{i}*, но всегда *и* полнаго образованія. Примѣрами могутъ служить слѣдующія сочетанія, въ которыхъ *е* предлога, приставки или отрицанія непосредственно предшествуетъ ударному слогу: биспала̄й, биспла́тна̄й, биз'у́бна̄й, биз'де́лка̂ (безтолковая женщина), бизноγа̄й, бизрука̄й, бис'мертна̄й, биз'де́тна̂й, биздушна̄й (безземельный), бис хле́ба, бис' то́тки, биз ба́ни, биз мы́ла, бис то́лкӯ; чириз по́ла̄, чириз лес, чирис'то́шкӯ (черезъ стёжку), чириз эта, чириз' дён; пиришо́л, пирихо́т, пирино́с, пирилёс, пирики́нӯла̄, мы пирире^{i}жо́ны, пириπры́нӯл, пирис'ёл, пирида́л, пирисо́дим; ни ход'а̄, ни л'у́бит', ни зна́нт', ни бйо́, ни но́сит', ни но́ва̄й, ни л'адит', ни ви́дит', ни лав'ут', ни бу́дищ, нирóвна̄, нища́сна̂й, нимила̄й, нина́сна̂йа̄, нилофка̄, нину́жна̂.

Присутствіе *eª* въ неªмношкâ, неªбо́с′ (при ни бо́иси) съ одной стороны и постоянная замѣна послѣ мягкихъ согласныхъ *е* и *а* въ предударномъ слогѣ, не предшествующемъ непосредственно ударному, черезъ *и* не полнаго образованія, съ другой,—заставляетъ предполагать, что *и* вмѣсто *eª*, *e‘* обязанъ своимъ появленіемъ въ указанныхъ случаяхъ вліянію формы предлоговъ, приставокъ и отрицанія, въ которой *е* не предшествовалъ непосредственно ударному слогу (бизацо́вщйна (брань, относящаяся къ шалуну-сиротѣ), нинан′е́тнай (ненаглядный), бездамо́вная́й (бездомный), бисприйу́тнай (сирота, бобыль); бизапа́спâй (безсовѣстный), пирибе‘жа́л, пирихади́л, пириписала, пирибира́лси, чириз даро́ɣу, чириз балота, чириз̄ або́р).

Сочетанія неªбо́с′, неªмно́шкâ, не подверглись этому вліянію, представляя очевидно недѣлимое цѣлое, въ то время какъ въ остальныхъ случаяхъ сочетанія съ предлогомъ, приставкой или отрицаніемъ не являлись для носителя описываемаго говора такимъ недѣлимымъ цѣлымъ, такъ какъ въ нихъ вторая часть сочетанія, въ силу возможности самостоятельнаго существованія (не-милый, не любитъ), вполнѣ ясной близости къ самостоятельно существующей формѣ (бездушный, безногій), или возможности соединенія съ другой приставкой (несчастный — безсчастный) легко могла быть отдѣлена отъ первой части сочетанія, что представляло благопріятныя условія для отожествленія этой послѣдней съ той ея формой, которая была первоначально свойственна только не непосредственно предударнымъ слогамъ. Нужно думать, что вліяніе слоговъ съ редуцированнымъ гласнымъ на слогъ съ гласнымъ полнаго образованія оказалось въ данномъ случаѣ возможнымъ, благодаря численному преобладанію сочетаній съ формою предлоговъ, приставокъ и отрицанія съ *и* неполнаго образованія, такъ какъ эти сочетанія могли заключать любой предударный слогъ, кромѣ непосредственно предударнаго, въ то время какъ *eª*, *e‘*, свойственные нѣкогда другой формѣ, могли встрѣчаться только въ этомъ послѣднемъ.

Извѣстное значеніе могло при этомъ имѣть и то обстоятельство, что редуцированнымъ гласнымъ въ формѣ, получившей преобладаніе, былъ именно *и* неполнаго образованія, который, какъ указано выше, вокализуется въ описываемомъ говорѣ сильнѣе, чѣмъ всѣ другіе редуцированные гласные, и болѣе ихъ всѣхъ приближается къ гласнымъ полнаго образованія. Такъ же, какъ въ предлогахъ приставкахъ и отрицаніи, *и* въ непосредственно предударномъ слогѣ на мѣстѣ этимологическаго *е (ъ)* находимъ постоянно въ частицѣ вит' (вѣдь), куда онъ перенесенъ изъ формы вйт', вит', являвшейся заударнымъ слогомъ (вит'йа γвариλа || ушоλ вйт, фс'у поλ'ў вит).

Что касается третьей отличительной особенности вокализма описываемаго говора, чередованія въ неударныхъ слогахъ гласныхъ неполнаго образованія, то появленіе въ нихъ редуцированныхъ гласныхъ той или иной категоріи, кромѣ степени склонности даннаго гласнаго къ редукціи, очевидно опредѣляется главнымъ образомъ взаимодѣйствіемъ двухъ условій: положеніемъ слога, заключающаго данный гласный, относительно ударенія и степенью вниманія, сосредоточиваемаго говорящимъ лицомъ на данномъ словѣ.

Наиболѣе благопріятную почву для редукціи гласныхъ представляетъ непосредственно заударный неконечный слогъ, на что указываетъ частое, какъ видно изъ обзора гласныхъ, появленіе въ немъ *ə* и сильная подверженность его гласнаго вліянію со стороны элементовъ предшествующаго ударнаго слога. Въ рядѣ случаевъ подъ вліяніемъ *ы* и *у* въ ударномъ слогѣ въ слогѣ непосредственно заударномъ находимъ *ы* и *у* неполнаго образованія на мѣстѣ этимологическихъ *а* и *о*, при этомъ слогъ, слѣдующій за непосредственно заударнымъ, можетъ не принадлежать къ тому же слову, тѣсно лишь къ нему примыкая. Примѣрами могутъ служить: выс̄ыхли, вым̄ыкли, выскы̄чила, выт̄ы̄щила, выбрыс̄йли, при высах, вымак, выбрас̄; пашоλ наγарод за λўкўм ы за рэ̄пай, с внукўмы здочкай, искаλ за катўхўмы за рыγай,

па тулупӯм-та па тепл'а, пашӯт' у нас и плуγӯм ы сахо́й, би́лси с аре́хам — и з'убӯмы камн'а́м; шубӯми, з γлупӯми ре́б'атами, дала́ падруγӯм па ло́шки; принакры́лси тулу́пам, са стука́м, нада варит' с лука́м, лучи плуγа́м.

Въ непосредственно заударномъ неконечномъ слогѣ на мѣстѣ *у* и *ы* иногда находимъ *а* неполнаго образованія (вы́рачк'а, вы́вачк'а (выучка), вы́тарит' (вытурить), о́мата (омута), γо́лаб'а, про́лаби, вы́дали (выдули), ло́дар'а), который возникъ здѣсь очевидно подъ вліяніемъ чередованія съ *ə* (вытəрит', γолəб'а), чередующагося съ *а* неполнаго образованія на мѣстѣ этимологическихъ *а* и *о* (вы́дəча, по́ləчк'а || вы́дача, по́лачк'а). Тождество однихъ членовъ чередованія очевидно привело къ отожествленію другихъ его членовъ, причемъ подчиняющими оказались формы съ фонетически возникшимъ *а* неполнаго образованія, на сторонѣ которыхъ былъ численный перевѣсъ.

Нужно думать, что изъ непосредственно заударнаго неконечнаго слога редуцированный *а* на мѣстѣ *у* и *ы* былъ затѣмъ перенесенъ въ конечный слогъ, и въ результатѣ этого перенесенія возникли, отмѣченныя въ обзорѣ гласныхъ формы γо́лаб', про́лаб', о́мат, выдал, ло́дар'.

Указанныя формы γо́лаб', про́лаб', о́мат, какъ формы N. Sg., явились настолько сильными, что смогли оказать вліяніе на гласный непосредственно предударнаго слога въ другихъ формахъ тѣхъ же словъ. Очевидно подъ вліяніемъ γо́лаб', пролаб', разам возникли въ нашемъ говорѣ формы γалоб'е́й, пралоб'е́й, разома́ съ *о* въ непосредственно предударномъ слогѣ, явившимся въ результатѣ болѣе широкаго раствора рта при *у* подъ вліяніемъ формы N. Sg. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что эти случаи не являются единственными примѣрами вліянія слога съ редуцированнымъ гласнымъ на слогъ съ гласнымъ полнаго образованія: кромѣ указанной выше замѣны въ предлогахъ и приставкахъ e^a и e^i въ слогѣ, непосредственно

предшествующемъ ударенію, черезъ *и* подъ вліяніемъ слоговъ съ редуцированнымъ гласнымъ, въ описываемомъ говорѣ находимъ формы пузурʹей, съ пузурʹѣми, гдѣ *у* въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударному, возникъ подъ вліяніемъ *у* неполнаго образованія въ предшествующемъ слогѣ.

Въ непосредственно заударномъ неконечномъ слогѣ нерѣдки случаи совершеннаго исчезновенія гласныхъ: кýрʹцâ, нáýлʹцýй, вы́клала (выколола) спрáшвâла; въ письмахъ М. П. Ходаковой: на ульцу, дорго (неоднократно), не спрашвойте, понадбются, двѣ курьцы, курьцу, платья розвоя, наказвола, заробатвоитъ, оттедво, не сказвоитъ. Въ встрѣченныхъ въ письмахъ М. П. формахъ телёнчикъ, прасёнчика (вмѣсто теленочекъ, поросеночка) отсутствіе гласнаго послѣ *н* связано, можетъ быть, не съ редукціей въ нашемъ говорѣ гласныхъ въ заударныхъ слогахъ, но съ древнимъ исчезновеніемъ глухого передъ слѣдующимъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія.

Послѣ непосредственно заударнаго слога наиболѣе благопріятнымъ для редукціи гласныхъ является второй предударный слогъ. Въ немъ также очень часто встрѣчается *э*, и также наблюдается ассимиляція къ гласному полнаго образованія въ сосѣднемъ слогѣ (испýдбýгрáʹ, пýучи́лси). Во второмъ предударномъ слогѣ мы встрѣчаемся также съ исчезновеніемъ гласныхъ, но въ то время какъ въ непосредственно заударномъ слогѣ они исчезаютъ въ сосѣдствѣ какъ съ плавными, такъ и съ другими согласными, во второмъ предударномъ слогѣ ихъ исчезновеніе наблюдается почти исключительно при сосѣдствѣ съ плавными (врата́ прасонак, краулúтʹ, краулю (въ письмѣ М. П. Ходаковой), патрапи́лси, пирпуга́лисʹ, перьходила (въ письмѣ М. П.), бирýавóй; платно́, платёнца, зâклати́л, млатúтʹ, хладно́).

Нужно думать, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ вліяніемъ сосѣднихъ согласныхъ на судьбу редуцированныхъ гласныхъ. Съ нѣкоторыми случаями подобнаго вліянія, какъ лабіализація *ы*

въ непосредственно заударномъ слогѣ подъ вліяніемъ предшествующаго губного согласнаго въ по́бо̄ли, вы́бо̄ли, мы встрѣчались уже въ обзорѣ гласныхъ. Съ подобнымъ же вліяніемъ мы вѣроятно имѣемъ дѣло и въ разсматриваемомъ явленіи, и можно думать, что устраненіе редуцированнаго гласнаго во второмъ предударномъ слогѣ стоитъ въ связи съ сонорностью, близостью къ гласнымъ слѣдующаго плавнаго, который, благодаря этой близости, настолько усиливаетъ редуцирующее вліяніе послѣдующихъ слоговъ съ гласными полнаго образованія, что гласный второго предударнаго слога совершенно исчезаетъ. Формы съ исчезнувшимъ редуцированнымъ гласнымъ во второмъ предударномъ слогѣ чередуются съ формами, сохранившими въ этомъ положеніи редуцированный гласный, и возможно, что подъ вліяніемъ такихъ чередованій, какъ: .крау́лит', врата, патрапи́лси, пирпуга́лси, градавой || кэрау́лиш, нитэрапи́с, гэрадаво́й, пирихади́л; платен'цы, паглав'е́, заклати́л || пэлатно, кэлати́т', гэлава́, могли возникнуть наблюдаемыя въ нашемъ говорѣ чередованія: крава́тка, клаки́, плахо́й, мла́чий || кэрава́т'; кэлаки, ка̂лаки́; пэла̂хой, мэла̄чэй, мыла́чий, гдѣ во второмъ рядѣ словъ находимъ послѣ начальнаго согласнаго передъ плавнымъ редуцированный гласный, появленіе котораго не имѣетъ фонетическихъ основаній.

Эти чередованія могли способствовать возникновенію встрѣчающихся въ описываемомъ говорѣ такихъ случаевъ, какъ сэмаро́дйна, са̂маро́дина, (сомородина въ письмѣ М. П. Ходаковой), пэшеⁱни́ца, хотя при возникновеніи послѣднихъ возможны вліянія семасіологическаго характера.

Исчезновеніе гласнаго во второмъ предударномъ слогѣ отмѣчено однажды не передъ плавнымъ въ формѣ пстнави́л, гдѣ гласный исчезъ не только во второмъ но и въ третьемъ предударномъ слогѣ.

Въ непосредственно заударномъ неконечномъ слогѣ находимъ въ двухъ случаяхъ нефонетически возникшій гласный: прасе-

ныка (въ письмѣ М. П. Ходаковой) и кармилица (батюшки) въ пѣснѣ. Въ первомъ случаѣ, нужно думать, мы имѣемъ дѣло съ вліяніемъ формы прасо́нак въ живомъ языкѣ, во второмъ — можетъ быть съ подобнымъ же вліяніемъ формы кар-ми́лиц, поддерживаемымъ особенностями пѣсеннаго языка.

Другіе неударные слоги, кромѣ конечнаго, не представляютъ столь благопріятной почвы для редукціи гласныхъ, *э* встрѣчается въ нихъ сравнительно рѣдко, и чаще наблюдается чередованіе редуцированныхъ гласныхъ двухъ другихъ категорій.

Болѣе сложныя особенности представляетъ конечный слогъ. Съ одной стороны, онъ является благопріятнымъ для редукціи гласныхъ, и въ немъ довольно часто, какъ это видно изъ обзора гласныхъ, встрѣчается *э*, съ другой же—онъ отличается крайней чуткостью къ весьма незначительной даже степени выдѣленія говорящимъ заключающаго его слога, причемъ гласный его пріобрѣтаетъ въ этомъ случаѣ значительную степень вокализаціи. Открытый или закрытый характеръ конечнаго слога въ описываемомъ говорѣ не оказываетъ замѣтнаго вліянія на степень вокализаціи его гласнаго: и въ открытыхъ и въ закрытыхъ конечныхъ слогахъ чаще всего встрѣчаются редуцированные гласные сильно вокализованные въ направленіи къ гласнымъ полнаго образованія. Въ конечномъ открытомъ слогѣ иногда наблюдается совершенное исчезновеніе гласнаго: вы́хади́л, во́д, гуля́л вмѣсто выходила, въ воду, гуляла. Въ письмѣ М. П. Ходаковой: Она очень не любила у ково въ дому плохо бывалъ.

Степень вокализаціи гласныхъ неполнаго образованія значительно зависитъ отъ степени вниманія, удѣляемаго говорящимъ лицомъ въ данный моментъ данному слову, что связано съ произнесеніемъ его обезцвѣчивающей скороговоркой или болѣе ясно и отчетливо. Въ первомъ случаѣ гласные неполнаго образованія въ немъ вообще слабо вокализуются и даже исчезаютъ (грит' с'час вм. говорить сейчасъ), во второмъ достигаютъ значительной степени вокализаціи, приближаясь къ гласнымъ

полнаго образованія. Въ слогахъ непосредственно заударномъ неконечномъ и второмъ предударномъ сильно вокализованные гласные наблюдаются только при замѣтномъ выдѣленіи говорящимъ слова, къ которому принадлежатъ указанные слоги (нищ ӑ с н ӑ й ӑ, х а р о̆ ш ӑ й ӑ, о ч и н д ӑ р а γ а́ й ӑ, з б у̯ к в а р ь о̆ м, ж ы в а д ь о̆ р к ӑ, ш к о́ л ь н и ц ӑ). Нужно замѣтить, что и сильно вокализованный встрѣчается въ этихъ слогахъ и при отсутствіи особаго подчеркиванія даннаго слова говорящимъ лицомъ.

Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, выдѣленіе говорящимъ лицомъ даннаго слова часто сопровождается удлиненіемъ въ немъ ударнаго гласнаго.

Въ описываемомъ говорѣ можно различить два рода долготы гласныхъ. Гласные могутъ быть долгими вслѣдствіе стяженія: п ӯ б и в а л (поубивалъ) х у́ д і н ь к а̄ о́ ч и н, д а́ ч ӑ - т ӑ б а л ь ш а́, п а̄ д н о́ й (по одной), п а̄ б а р ь́ й а м (по амбарьямъ), в ы̄ с к а л и с и (выискались), н ӣ з л е́ ч и м а й а. Въ подобныхъ случаяхъ гласные неударныхъ слоговъ пріобрѣтаютъ степень вокализаціи свойственную гласнымъ полнаго образованія.

Другой видъ долготы связанъ съ выдѣленіемъ говорящимъ лицомъ даннаго слова и встрѣчается почти исключительно въ ударномъ слогѣ. Этотъ видъ долготы можетъ сопровождаться повышеніемъ тона, какъ это видно изъ приводимаго ниже отрывка (Разсказъ А. Е. Колпициной о томъ, какъ ея братъ убилъ волка): Б р а т с ́т е ˈ р о́ х с к а т ӣ н у̯. К а ф ц а́ м п а л з о́ т ́ в о̄ л к, и с п у д - б у γ р а̄́. А б р а д д у́ м а л с а б а́ к ӑ. А о́ ф ц ы л е ˈ ж а́ л ́и. И о н б а й а́ л с и, ш т а̂ - а в́ е ц р а̂ с п у γ а́ и т ́ с а б а́ к ӑ. А у н е́ в о б ы л а п а л э́ ч к ӑ. На п а́ л э ч к и б ы л н а с о́ ж э н —— в и́ н т ж ы л е́ з н а й. И о н п а т к р а́ л с и з а̄́ д ́и; и з а ф с е й м о́ ч и р а̂ з у д а́ р и л п а й э т а й с а б а́ к и.

П а т о́ м э т а с а б а́ к ӑ п а д ́н а́ л ӑ γ о́ л э в ӯ. Он ей па γ э л а в́ е́ в и н т о́ м — к э л а т и́ т ́ д а в а́ й. Й э́ т а с а б а́ к а а к а з а́ л ӑ с ́ в а л к о́ м. П а т о́ м о н и с п у γ а́ л с и, п р и γ н а л с к а т и́ н у̯, д у́ м а̂ л, ш т а с а б а́ к у̯ у б и́ л б а р с к ӯ. И с а м в е с ́

паблеˈднёˈл. Жёнщина спрашэвáитˈ: «Йуша, што эта ты такойа захвараˈл? Из лица сˈмеˈнилсэ весˈ?» Амаˈлчик и гэвариˈтˈ: «Он барску сабаку убиˈл. Ана кафцáм праˈласи, а он йеˈйоˈ палкай сˈ винтóм——и убиˈл». Амущúна гэвариˈтˈ: «Ты ни бóйси: йа лапаˈтай йеˈйоˈ заróйу. Наплеˈваˈтˈ на неˈйоˈ. И баˈрин нй узнаˈитˈ».

Онъ маˈлчика взˈял другóва: «Пади укажы, гдé сабака убиˈтыйа». Ани приходˈутˈ к этай сабáки. А йэта аказалсци вóлк.... Й мужычóк пашóˈл дамой, запрˈóˈг лóшадˈ и привóз этава валкаˈ дамой. И патом йеˈво продáли, и каторай маˈлчик убил валкаˈ, он далеˈму три рубˈлаˈ, три рубˈлаˈ, — мужычóк.

Долгота, связанная съ выдѣленіемъ говорящимъ лицомъ даннаго слова, и повышеніе тона могутъ сопутствовать, но могутъ и не сопутствовать другъ другу, какъ это видно изъ приведеннаго отрывка. Въ то время какъ присутствіе долготы въ ударномъ слогѣ сопровождается усиленіемъ вокализаціи редуцированныхъ гласныхъ въ неударныхъ слогахъ, повышеніе тона, не связанное съ долготой, можетъ сопровождаться сильной редукціей неударныхъ гласныхъ (палэчкаˈ). Это заставляетъ предполагать, что, если долгота является выраженіемъ интенсивности переживаній, связанныхъ въ данный моментъ съ даннымъ словомъ, то повышеніе тона характеризуетъ эти переживанія скорѣе съ качественной стороны. Но нужно замѣтить, что очень часто наблюдается совпаденіе долготы съ повышеніемъ тона; послѣднее, какъ видно изъ приведеннаго отрывка, можетъ распространяться какъ на одинъ только слогъ (ударный), такъ и на цѣлое слово (палэчкаˈ, сабаˈки) или сочетаніе словъ (иза фсéй мóчи, он маˈлчика взˈял другóва). Въ рѣдкихъ случаяхъ особенно отчетливаго и раздѣльнаго произнесенія долгота иногда наблюдается въ двухъ слогахъ одного и того же слова (въ ударномъ

и конечномъ): з̄а́дӣ, пӣли, Сӣ́лӣ (Dat.), вдо́сытӣ (вдоволь), при этомъ на гласномъ конечнаго слога замѣчается второстепенное удареніе.

Согласные:

Въ описываемомъ говорѣ встрѣчаются слѣдующіе согласные:

Соноры:

Плавные р, л и *носовые н, м.*

Произносительныя работы при *р* имѣютъ въ нашемъ говорѣ болѣе энергичный характеръ, чѣмъ въ литературномъ языкѣ: сила выдыханія значительно бо́льшая, кончикъ языка сильнѣе прижатъ къ переднему небу; *р* является болѣе долгимъ, чѣмъ въ литературномъ языкѣ, въ особенности передъ слѣдующимъ гласнымъ (каро́ва, пара́), передъ слѣдующимъ согласнымъ онъ въ меньшей степени отличается отъ *р* литературнаго (жаркай, карты́, гордай). Передъ слѣдующимъ сономъ *р* приближается къ *р* передъ гласнымъ (гâрлапа́н (крикунъ, задира), гармо́шка, чо́рнай). Послѣ глухого согласнаго въ концѣ слова за *р* отмѣченъ гласный неполнаго образованія вокализованный въ направленіи къ *а* въ словѣ смотра (смотръ), въ заимствованномъ же о́смэтр находимъ звонкій *р*, произносимый съ видимымъ усиліемъ.

Относительно палатальнаго *р'* нужно замѣтить, что мягкость его въ описываемомъ говорѣ, какъ передъ гласными, такъ и передъ согласными и въ концѣ слова очень незначительна. Слабѣйшая степень его палатальности наблюдается передъ слѣдующимъ э (кур'эца, р'эшето́, бир'эгаво́й, пир'эхади́л).

л мало отличается отъ *л* въ литературномъ языкѣ, но артикулируется также съ нѣсколько бо́льшей энергіей. Различіе между *л* передъ гласнымъ (была́, хади́ла) и передъ согласнымъ (жа́лка, ды́лда, ахалпе́лай) менѣе значительна, чѣмъ различіе *р* въ этихъ положеніяхъ.

Мягкій *л'* почти совпадаетъ съ литературнымъ, отличаясь отъ него нѣсколько меньшей степенью палатальности, и только передъ *е* и *и* полнаго и неполнаго образованія, а также передъ *э* палатальность его оказывается настолько слабой, что передъ нимъ въ слогѣ, приближающемся къ закрытому, *о* пріобрѣтаетъ напряженный характеръ, какъ передъ твердымъ *л* (с о̂ л'э (соли) л'е̯а̯й, пал'е́н̯а̯, кал'и́, сво́л̯и̯т', пил'ип'о́лка̯, зал'и́т' при л'у̯ш̯н'а́, ле^а^са, л'а́жу̯, ду́л'ў-ту̯, ле^i^ти́т', бал'н'ой, то́л'ка̯, кал'цо́, пал'то́, Ол'га́, въ которыхъ *л'* не отличается почти отъ мягкаго литературнаго *л'*). Конечный *л'* послѣ согласнаго исчезаетъ (жура́в').

Что касается *н* и *м*, то они не отличаются отъ этихъ звуковъ въ литературномъ языкѣ. Относительно палатальности нѣкоторыя особенности представляетъ *н*, который оказывается твердымъ въ концѣ слова въ о́чи̯н, передъ *э* въ но́жнэцы, передъ мягкимъ *к'* въ на зоринк'и.

Шумные.

Губные. Собственно губные согласные *(б, п)* въ описываемомъ говорѣ не представляютъ замѣтныхъ отличій отъ этихъ согласныхъ въ литературномъ языкѣ. Изъ губно-зубныхъ то же слѣдуетъ сказать о согласномъ *ф*, но согласный *в*, въ отличіе отъ *в* литературнаго языка, имѣетъ билабіальный оттѣнокъ, болѣе ярко выступающій передъ гласными (каро́ва̯, γа̂лава́, лава̂чк'а̯), но замѣтный и передъ согласными (в дом, вдаво́й, в ле^а^су́, правдэ). Между гласными передъ слѣдующимъ *у в* исчезаетъ (д'е́ушка̯, каро́ушка̯, γалоушка, сэракаўшка̯, ўдо́ушык). Въ двухъ случаяхъ на мѣстѣ *в* (хўост, ўдоушык) отмѣченъ неслоговой *ў* и однажды въ за́γ-(w)э́н'йа *в*, приближающійся къ неслоговому *ў* (w). Чередованія *в* съ *у*, отмѣченныя при разсмотрѣніи гласныхъ, встрѣчаются сравнительно рѣдко.

Относительно палатальности передъ согласными губные согласные представляютъ нѣкоторыя особенности. Передъ слѣ-

дующимъ *ê* напряженнымъ въ описываемомъ говорѣ находимъ губные, отличающіеся слабой степенью палатальности (б'е́л'ін'к'а̂й, в'е́ник, в'е́тир, в'е́с'эла̂, П'ета̂, Ф'е́д'а̂), наибольшей твердостью при этомъ отличается *в'*.

Въ остальныхъ случаяхъ палатальные губные не отличаются замѣтно отъ этихъ согласныхъ въ литературномъ языкѣ (б'е́ла̂й, б'е́дна̂й, раз'б'ита̂й, б'ох, б'е^{i}γли́, п'ираγи́, п'ил, п'отрэ, в'ол, в'е^{a}но́к, Ф'и́л'ушка̂, Ф'о́да̂р), за исключеніемъ случаевъ сильнаго смягченія *п* передъ слѣдующимъ *а*, отъ котораго онъ оказывается отдѣленнымъ *й* въ п'йат', п'йа́л'цы (пять, пяльцы).

Язычные. Задненебные *г*, *к* (взрывные) и *γ*, *х* (фрикативные) не отличаются отъ этихъ согласныхъ въ литературномъ языкѣ. Особаго разсмотрѣнія заслуживаетъ употребленіе *г* и *γ* въ описываемомъ говорѣ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ литературному взрывному *г* въ немъ соотвѣтствуетъ фрикативный *γ*. Разграничить совершенно области употребленія *г* и *γ* въ нашемъ говорѣ нѣтъ возможности, такъ какъ при повтореніи одного и того же слова въ немъ слышится то *г*, то γ. Можно только отмѣтить, что съ наибольшимъ постоянствомъ встрѣчается *г* передъ мягкимъ *л'* (глеи́ди, глеи́жу, глеи́де́ли, но рядомъ γлеи́жу, γлеи́де́л; беи́γли́, леи́γли, маγли́, прибеи́γли, леи́γли) и передъ слѣдующимъ *и* послѣ мягкихъ *н'*, *р'* (ден'ги, сер'ги, но и ден'γи). Съ значительною послѣдовательностью *г* встрѣчается въ словахъ Гасп'от' Го́спа̂ди (при γа̂спада́). Извѣстная регулярность въ употребленіе фрикативныхъ и взрывныхъ задненебныхъ вносится дѣйствіемъ диссимиляціи и ассимиляціи, которыя рассматриваются ниже.

Средненебные *г'*, *к'*, *х'* и передненебный *й* также не отличаются отъ этихъ звуковъ въ литературномъ языкѣ. Относительно средненебнаго *γ'* слѣдуетъ замѣтить, что передъ *и* за согласнымъ или въ началѣ слова онъ отличается очень значительной степенью палатальности, приближаясь къ *й*, но не совпадая съ нимъ совершенно, при чемъ предшествующій ему глухой

согласный не замѣняется звонкимъ также какъ передъ *й* (с γ(й)и́р'ӣми, γ(й)и́р'а, с γ(й)и́п (сгибъ).

Между гласными передъ *и* γ исчезаетъ (п а и́ б л а, к н'а и́н'а, т. е. погибла, княгиня). Передненебный *й* часто наблюдается передъ начальными *е* и *и* (йэтат, йих, йим), главнымъ образомъ послѣ паузы или за словомъ, оканчивающимся гласнымъ. Въ двухъ случаяхъ (и йана йе•му γавари́т'; а йон ваγу́ит') *й* встрѣчается передъ начальными *а* и *о*.

Зубные согласные взрывные *д*, *т* и фрикативные *з*, *с* не отличаются отъ этихъ согласныхъ въ языкѣ литературномъ. Фрикативные *ж* и *ш* обыкновенно твёрды въ описываемомъ говорѣ, исключая сочетанія *ш'ш'*; *ж'ж'*, о которыхъ говорится ниже.

Въ описываемомъ говорѣ наблюдаются слѣдующія аффрикаты: *ĉ*, *ĉ́*, *щ*, *ĉщ*; *ц*.

ч отличается нѣсколько бо́льшей степенью мягкости, чѣмъ въ литературномъ языкѣ; его палатальность можетъ быть очень значительной, какъ въ отмѣченной формѣ ч(й)а́на (чана). *ĉ* является звонкимъ соотвѣтствіемъ *ч* и замѣняетъ его передъ слѣдующимъ звонкимъ согласнымъ (у ĉ́ б а́, т. е. учба). *щ* и его звонкое соотвѣтствіе щ при медленномъ произношеніи довольно явственно разлагаются на *ш'ш'*; *ж'ж'* (ш'ш'е́п'ки, тошш'а, у γ а ш'ш'е́н'йа, то́ш'ш'ит' при то щэй, вищо́к (висок), из да що́к (изъ досокъ), н и щ а́ с н а й а; в о ж'ж'ицы, прис'то́ж'ж'ицы, при вищ а́т', дрибе́щ а т' (быстро говорить) з а γ в'а щ и в а т' (забивать гвоздями), по́щи (позже); з а п а́ щ й в а т' (запаздывать) до́щик, п а й е́ щ' а й. *ц* въ нашемъ говорѣ твердо, какъ и въ литературномъ языкѣ.

Въ предшествующемъ обзорѣ согласныхъ разсмотрѣны и особенности ихъ, внесенныя вліяніемъ сосѣднихъ гласныхъ; что же касается вліянія согласнаго на сосѣдній согласный, то оно можетъ выражаться въ измѣненіи двоякаго рода въ этомъ

послѣднемъ: въ уподобленіи его въ одномъ или нѣсколькихъ отношеніяхъ другому согласному (ассимиляція), или въ пріобрѣтеніи имъ подъ вліяніемъ другого согласнаго болѣе рѣзкихъ отличій отъ этого послѣдняго (диссимиляція). При этомъ предшествующій согласный чаще подвергается вліянію послѣдующаго, чѣмъ наоборотъ.

Уподобленіе согласныхъ въ описываемомъ говорѣ отмѣчено относительно работы голосовыхъ связокъ (звонкость и глухость), степени приближенія средней части языка къ твердому небу (твердость и мягкость) и способа выхода воздуха изъ полости рта (взрывность и фрикативность; характеръ фрикативности).

Звонкіе согласные въ описываемомъ говорѣ (за исключеніемъ сонòровъ и *й*) утрачиваютъ звонкость передъ глухими, глухіе же пріобрѣтаютъ ее передъ звонкими, кромѣ сонòровъ, *в* и *й*, какъ и въ литературномъ языкѣ (йа́гаткаф, фкуле́ш, ф сан'а́х, ап'чом, афса́, рып'ки, нахотку, шыпка, распраста́ла, ис пр'а́жы хадили (чтобы прясть); ни найд'о́д' дароуу, адб'о́х, згаре́лайа, з'бе·угла́си, ад же·и·не́, убалоту, з ба́рэн'а́й; сади́с' на ме·и·не́, ат йе·и·йо избушки́, ат'ве·и·нца, атлупцуйу, атруат', с ре·и·б'а́ты́ми).

Болѣе значительныя особенности сравнительно съ литературнымъ языкомъ представляетъ уподобленіе согласныхъ относительно палатальности. Въ описываемомъ говорѣ наблюдаются слѣдующіе случаи палатализаціи согласныхъ передъ мягкими согласными.

Губные согласные палатализуются передъ слѣдующимъ средненебнымъ (ап'кида́л, де́ф'ки, у н'ем'ки, убап'ки, ш'ш'е́п'ки, лап'ки), передъ палатальной аффрикатой ч (ф'чулани, ф'че·сы́, пэзабы́ф'ча́й, п'чо́лы). Отмѣчена также палатальность *п'* передъ мягкимъ *т'* въ лап'ти (но птица, аптека).

Передъ другими палатальными согласными смягченія губныхъ не замѣчается (пле·ва́т, бле·и·о́т', зе·и·мл'а́, вд'ет', абв'е́сил, фс'о́, вз'ат', фл'уфл'а, бр'е·хло́).

Зубные *д*, *т*; *з*, *с* палатализуются передъ слѣдующимъ мягкимъ губнымъ, кромѣ *ф'* (пад'м'ёркай, пад'бе^{i}гли, ме^{i}д'ве́т', д'в'ёри; ат' ме^{i}не, ат'ме^{e}та́т', че^{i}т'во́ртай, ат'че́т', з'мей, з'бил, з'бе^{e}гласи, з'в'ёр', из'во́ска, с'ми́най, с'м'елай, с'в'е^{e}кры́, с'в'ёт; до сьвиданія (въ письмахъ М.П. Ходаковой); но с Фе́д'ай, ат Фили́па). Зубные палатализуются также передъ мягкими зубными (с'те^{e}са́ла, с'те^{i}реч, ст'е^{e}га́т'; з'де́лай, з'дес'; ат' се^{e}ла, ад'з'а́т'а). Отмѣчены также случаи палатальности зубныхъ передъ средненебными (с' К'ири́лам, с'к'ину́л, с'хи́трил, с' ки́слами). Передъ палатальными сонорами, кромѣ губного *м*, наблюдаются только сравнительно рѣдкіе случаи слабой палатальности зубныхъ (с'н'имайу́т', с'н'ех (при сне́х, красне́й), гре^{i}з'н'е́й (при кузне́ц); пе^{i}т'нистай, уплет'ник, ат' не^{e}во (при ат них, атне^{i}си́); пад'на́ца (при два дна); ве^{i}зли, пале́зли (при зли́ца, прив'е^{i}зли́); сле^{e}пой (при сле^{e}за́й, расли́, не^{i}сли́); дл'ə каво́ (при дли́най, тле́ит').

Слабость и непослѣдовательность палатализаціи зубныхъ нередъ мягкими сонорами, кромѣ *м*, нужно думать, связана со слабой степенью палатальности *л'*, *р'* въ нашемъ говорѣ и со склонностью къ отвердѣнію *н'*, хотя послѣдняя отмѣчена только въ немногихъ случаяхъ (но́жнəцы, о́чин).

Нужно замѣтить, что передъ мягкимъ *р'*, который отличается меньшей степенью палатальности, чѣмъ остальные соноры, не замѣчается вовсе палатализаціи зубныхъ (ср'а́ду, с ру́м'кими, зр'а́, зр'е́лай, трипыхно́ца, вастр'е́й, тре^{e}пло́, др'е́внай, др'е^{e}ма́т').

Замѣна задненебныхъ средненебными замѣчается только передъ слѣдующимъ *ч*: бе^{i}к'чи́ (бѣжать), ле́к'чи (легче); передъ другими палатальными согласными находимъ постоянно задненебные (г бе́ламу, где, гне^{e}здо́, гре́х, гле^{i}ди́, хп'(й)а́-тай ул'цы, хто́тки, хле́п, хрен, к се^{i}стре́, кре́ст, кле́ф, крича́т', кни́шка).

Палатализація сонорозъ *р*, *л*, *н* наблюдается передъ мягкими губными (кар'ми́т', сар'пи́нка, па кан'вэ́), зубными (кар'ти́на, жэ́р'ди, шэ́р'с'т'и, кар'зи́на), средненебными (Серьгеичь въ письмѣ М. П. Ходаковой) и палатальной аффрикатой (хар'чи́).

Отдѣльно должны быть поставлены случаи, въ которыхъ сосѣдство съ послѣдующимъ согласнымъ представляло лишь удобныя условія для сохраненія пріобрѣтенной помимо него палатальности.

Такимъ образомъ, соноры сохраняютъ палатальность передъ слѣдующимъ нѣкогда мягкимъ *ц* и мягкимъ *н'* въ формахъ, какъ а γур'цы́, сон'ца, до́н'ца, плате́н'ца (но-ат'вeiнца́), сер'ца, двар'ца́, двор'ник, г затвор'нику, с'мирне́й. Въ формахъ же це́ркав', верх, пе́рвай, чит'вeiр γо́вайа, сeiрпом *р* не сохраняетъ старой палатальности, но присутствіе *e'* передъ *р* въ формахъ вeiрхом, с'пeiрва́, цeiркбвнай указываетъ на отвердѣніе въ нихъ *р'* не ранѣе отвердѣнія шипящихъ, которому должно было предшествовать появленіе *e'*, наблюдаемаго передъ послѣдними, какъ и передъ мягкими согласными.

По тѣмъ же основаніямъ слѣдуетъ признать отвердѣніе *н'* въ вeiнца́ и утрату *л'* части своей палатальности въ формахъ, какъ неiелй́, веiзлй́, явленіями не болѣе ранними, чѣмъ отвердѣніе шипящихъ.

Какъ случай уподобленія послѣдующаго согласнаго предшествующему, слѣдуетъ отмѣтить въ описываемомъ говорѣ распространенную въ великорусскихъ говорахъ замѣну задненебнаго *к* средненебнымъ *к'* подъ вліяніемъ предшествующаго палатальнаго въ настоящее время согласнаго (вну́чка, кни́жэчка, ру́чка, чайку́, налей-ка, стан-ка, удар-ка, Ва́лка, то́лка, Ма́нка). Перехода мягкаго *к'* въ *т'* въ нашемъ говорѣ не замѣчается. Послѣ шипящихъ, кромѣ *ч*, *к* не палатализуется; исключеніе составляетъ одинъ только случай кни́ш'ку съ мягкимъ ш', явившійся, можетъ быть, подъ вліяніемъ книжэчка, книжэчку.

Уподобленіе согласныхъ относительно способа выхода воздуха изъ полости рта наблюдается въ двухъ группахъ случаевъ: въ въ одной — взрывный согласный подъ вліяніемъ слѣдующаго спиранта замѣняется фрикативнымъ (х̄васту, ххудо́му, γγосто́у, γγубе́рни вмѣсто кхвасту, кхудому, кгосто́у, кгубе́рни); въ другой — предшествующій спирантъ уподобляется слѣдующему спиранту по характеру щелевого отверстія; такимъ путемъ сочетанія *шс*, *шс́*; *сж*; *сш* замѣняются сочетаніями *сс*, *с́с́*; *жж*; *шш* (патира́иссваю моладас́т́; пирими́нис́с́и, с́ме́йбс́с́и, стара́йс́с́и; слушасси въ письмѣ М. П. Ходаковой; ражаловалъ, жжеⁿной, жжйнихо́м; шшапка́й, шшу́стрым такйм).

Въ результатѣ ассимиляціи можетъ возникнуть полное тожество двухъ смежныхъ согласныхъ; при сосѣдствѣ же согласныхъ, тожественныхъ вслѣдствіе уподобленія или помимо него, въ описываемомъ говорѣ въ большинствѣ случаевъ возникаютъ долгіе согласные (х̄васту́, в̄оду, ват̄а́м (вотъ тамъ), ад̄ахни, сеⁱн̄и́к, з̄авалинки, в̄ерх, ат̄е́л́, в̄ерилси, з̄акрытым, ис̄а́ду, ис̄еⁱми́, бро̄ зе́мл́у (брось землю). Въ случаяхъ побб̄ли, побб̄л, пб̄п̄б̄л́у, ку́п̄а (побыли, побылъ, купить) долгота согласнаго необъяснима сліяніемъ двухъ смежныхъ тожественныхъ элементовъ. Ку́п̄а съ долгимъ *п* отмѣчено только одинъ разъ (въ сказкѣ), въ формахъ же побб̄ли, пб̄б̄л, пп̄б̄л́у долгота *б* наблюдается вполнѣ послѣдовательно, и отсутствіе ея въ формахъ вы́б̄л, вы́б̄ли, вб̄-пб̄ли, указываетъ на ея связь съ лабіальнымъ характеромъ элементовъ предшествующаго слога.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ выше видовъ ассимиляціи простыхъ согласныхъ, въ описываемомъ говорѣ наблюдается полное уподобленіе предшествующаго простого взрывнаго послѣдующей аффрикатѣ, вмѣстѣ съ которой онъ составляетъ долгій сложный согласный (мылач̄ий, р́еⁱшб̄атыи, а̄ца, мблица).

Диссимиляція согласныхъ въ описываемомъ говорѣ отмѣчена тоносительно способа выхода воздуха изъ полости рта и относи-

тельно главнаго при данномъ согласномъ органа произношенія (губы, языкъ).

Какъ явленія диссимиляціи перваго вида, слѣдуетъ отмѣтить измѣненія, которымъ подвергается задненебный взрывный въ предлогѣ *к* передъ начальнымъ согласнымъ слѣдующаго слова. Передъ слѣдующимъ звонкимъ спирантомъ *к* предлога послѣдовательно замѣняется взрывнымъ *г* (г ж е^{i}н́ е́, г ж ы н и х у́, г з а́ т у̯, г з и м́ е́). Передъ глухимъ спирантомъ *к* сохраняется (к с́ а д у̯, к ш а́ п к и, к Ф и м и, к ц е^{i}н́ е́, к ч б р т у̯). Взрывному же согласному предшествуетъ фрикативный задненебный предлога — звонкій передъ звонкимъ и глухой передъ глухимъ (γ б а́ б и, γ б а́ н и, γ д а б р у̀, γ Д а̯ ш к и; х п а п у, х т а б е́, х к о ш к и, х к а р ы́ т у̯).

Звонкій взрывный *г* послѣдовательно употребляется въ к а́ г ж а (какъ же), к а г ж ы в о́ т́ а и почти послѣдовательно за спирантами въ з а ж т л о с и, з г а̯ р ѣ́ л а й а, представляющихъ случаи вліянія предшествующаго согласнаго на послѣдующій. Диссимилирующимъ вліяніемъ слѣдующаго взрывнаго объясняется замѣна *к* черезъ *х* въ х т о, д о́ х т а̂ р и утрата аффрикатой *ч* своего взрывнаго элемента въ сочетаніяхъ *чн*, *чт*, замѣнившихся сочетаніями *шн*, *шт* (п о ш т а, ш т о; г р е́ ш н̯ ќ (печенье изъ гречневой муки), к а н е́ ш н а̯, р а з л у́ ш н и к).

Диссимиляціей второго вида объясняется замѣна губного назализованнаго сонора въ сочетаніи со слѣдующимъ взрывнымъ губнымъ язычнымъ назализованнымъ сономъ въ л а́ н п а̯, а н б а́ р вмѣсто лампа, амбаръ.

Конечные звонкіе согласные, кромѣ сонаровъ и *й*, передъ паузой въ описываемомъ говорѣ замѣняются глухими (н а р б т, γ л а́ т́, п р и м́ о р с, п и р и л е́ с; н о ш (ножъ); к а̂ н а п у́ ш к а̂ ф (веснушекъ), н а ж б́ о ф (ножей). Конечный звонкій задненебный передъ паузой вполнѣ послѣдовательно замѣняется глухимъ спирантомъ *х* (п о х, л у х, п и р о х, с а п о х, с т о х, н и м о х); звонкая аффриката *щ* въ д а щ̄ а̀, д б щ̄ и к чередуется съ глухимъ конечнымъ спирантомъ *ш* въ д о ш.

Исключеніе составляютъ конечные палатальные губные, ко-

торые не утрачиваютъ вполнѣ своей звонкости (бров́, любов́, дроб́, γлаб́), но звонкій оттѣнокъ ихъ при этомъ очень слабъ.

Какъ болѣе разрозненныя особенности консонантизма описываемаго говора, несводимыя въ одну категорію, можно отмѣтить:

наличность *л́* въ ни отступл́аиц̑а при отсутствіи его въ пракарм́ен́йа,

глухой, вмѣсто звонкаго, характеръ сочетанія губного съ шипящимъ въ γлу́пши (глубже),

исчезновеніе *м* въ па̑бар́йам (по амбарьямъ),

с вмѣсто *ц* въ л́висами, св́еты (львицами, цвѣты),

з вмѣсто *ж* въ зе́бры (жабры),

исчезновеніе перваго согласнаго начальныхъ сочетаній въ единичныхъ случаяхъ: нат́, с́о, д́е (знать, все, гдѣ),

исчезновеніе начальнаго согласнаго въ приставкѣ *вз* передъ слѣдующимъ глухимъ и сохраненіе его передъ слѣдующимъ звонкимъ согласнымъ (спбминл, скачи́л, стайо́т́, с́кип́е́л, схахаталиси при взγл́а́н́ул, взвилàс, Вздви́жэн́йа̑),

замѣну сочетаній *ств*, *вств*, *вск* сочетаніями *ст*, *ств*, *ск* (здрастуй (при здра́ствай при особенно отчетливомъ и раздѣльномъ произношеніи), варастве́, маскоскà̑йа̑; въ письмахъ М. П. Ходаковой: такая воростве, сушкоскій, вешкоскихъ),

твердость *ск* въ сочетаніи *ск* въ ру́скай, маскоскà̑йа̑, дирe¹ве́нскии,

сохраненіе *т́* въ конечномъ сочетаніи *ст́* (жист́, молодаст́, радаст́),

наличность *д* и *т* въ ндра́ви̑ц̑а, стра̑мати́т́.

МОРФОЛОГІЯ.

Склоненіе существительныхъ.

Основы на гласные.

Основы на *а*. Характерною особенностью склоненія основъ на *а* въ описываемомъ говорѣ являются: нерѣдко наблюдаемая

форма G. Sg. съ ударнымъ конечнымъ *é* (он сйел йеiйо рыпки куминай кумéлисéé; ат харошай снахé-та; етава самава Илúé, мужа йеiйо сестра приходá; у Кулúнушкé съ второстепеннымъ удареніемъ на конечномъ слогѣ (в пѣсиѣ); въ письмѣ М. П. Ходаковой: у кумѣ Саши, возникшая вслѣдствіе отожествленія съ формой Dat.-Sg., которое оказалось возможнымъ, благодаря совпаденію формъ G. и D. съ неударными окончаніями. Это совпаденіе, очевидно первоначально имѣвшее мѣсто при неударныхъ окончаніяхъ послѣ мягкаго въ формахъ обоихъ падежей или отвердѣвшаго согласнаго, благодаря замѣнѣ конечнаго неударнаго *е (ѣ)* черезъ *и* (бабушки, Мани, птицы въ G. и D.), распространилось затѣмъ и на формы G. съ неударнымъ окончаніемъ послѣ твердыхъ согласныхъ (залофка-та Лизи, унивести; отъ каждай пари въ письмѣ М. П. Ходаковой) и на формы съ ударнымъ окончаніемъ, примѣры которыхъ приведены выше.

Другую отличительную черту склоненія основъ на *а* въ нашемъ говорѣ представляетъ окончаніе *âф, óф*, господствующее въ формахъ G. L. Pl. (дéŷшкаф, жар-птицаф, йагадаф, палкаф, кумбф, бóзйаф; на жóнâф, апсбстраф, на теiлеγаф, апкумбф, влáфкâф, сéмйаф, при пышак, дѣушак, семей, птиц, жон, сеiстбр, на шашках, ф шапках), присутствіе котораго объясняется вліяніемъ формъ G. L. Pl. отъ основъ на *о* мужескаго рода, какъ γаршкбф, а γарбдаф, малúчйкаф, ваγарбдаф, а пплеiмáнникаф).

Какъ характерную особенность склоненія основъ на *а* въ описываемомъ говорѣ слѣдуетъ еще отмѣтить отсутствіе окончанія въ формѣ Voc. Sg. (Бат! бат! Ван; Сирень (въ письмѣ М. П. Ходаковой).

Въ склоненіи основъ на *а* однажды наблюдается древняя форма Acc. Pl. одушевленныхъ, сходная съ формой Nom (Кады тваи братья найдуть нивѣсты).

Основы на *о*. Въ склоненіи основъ на *о* мужескаго рода наблюдаются слѣдующія особенности:

Господство окончанія *âф, ôф* въ формахъ G. Pl. (тата́р҃аф, дружйбоф, крᵉіс'т'йа́нâф, мужйоф, ба́рын҃аф), а также, хотя и въ меньшей степени, въ формахъ Loc. Pl. (аб бра́т'йоф, ап тата́р҃аф, ап стаканбф, на сарфанбф, в γаршкбв, ап хаз'а́йвбф, ап кумав'йбф). (Нужно замѣтить, что наряду съ приведенными формами G. и L. Pl. существуютъ и такія формы, какъ чир'тей, людей, салдат, ап'чир'т'ах, у л'уд'а́х).

Преобладаніе окончанія *у* въ формахъ L. Sg. (аб брату, ап старичк'у, в γаршку, на пᵉ́ску́, аб а҃цу́, аб дру́γу, аб му́жу́, аб адномъ гла́зу, на ку́му, в адном сарфан'е, на жырᵉібоначки).

Окончаніе *у* въ формахъ G. Sg. (изб рту, вады ни́йест' канцу́, нѣт ли у вас далоцу).

Въ склоненіи именъ съ суффиксомъ—*ино*—въ N. Pl. находимъ окончанія *и* и *а* (крᵉіс'т'йани, пайᵉіщ'а́н'а); слѣдуетъ также отмѣтить формы D. крᵉіс'т'йа́н'а҃м, J. крᵉіс'т'йа́н'âми, L. крᵉіс'т'йа́н'âф съ палатальнымъ *н'* очевидно подъ вліяніемъ его мягкости въ формахъ N. Pl., и отсутствіе суффикса—*ино*—въ склоненіи слова тата́р (татаринъ): Sg. G. тата́р҃а, D. тата́ру, I. тата́р҃âм, L. ап тата́ру; формы множественнаго числа, кромѣ L. Pl. ап тата́р҃аф, не отличаются морфологическими особенностями сравнительно со склоненіемъ этого слова въ литературномъ русскомъ языкѣ.

Въ описываемомъ говорѣ сохраняются старыя формы N. Pl. съ окончаніемъ *и* сас'е́ди, че́р'ти, л'уди (при сас'еды) и наблюдаются подобныя же нечленныя формы прилагательныхъ (сы́ти; ради, здорови въ письмахъ М. П. Ходаковой).

Въ склоненіи словъ стака́н, сарафа́н наблюдается постоянная ударность окончаній въ формахъ всѣхъ падежей: Sg. G. ста҃кана́, D. ста҃кану́, I. ста҃каном, L. стакану́. Pl. N. ста҃каны́, G. ста҃канбф, D. стаканам, I. ста҃канами, L. ста҃канбф. Въ склоненіи этого слова отмѣчены, кромѣ того, формы N. Pl. стака́н'йа и I. Pl. стакан'йами. Такимъ же образомъ склоняется сарфан, сарафан, сарфана́, сар-

фану́, сарфано́м, ф сарфану́ (при отмѣченной формѣ L. сарфан'е́).

Склоненіе множественнаго числа не отличается отъ склоненія Pl. слова стакан.

Кромѣ свойственныхъ и литературному языку формъ N. A. Pl. дама́, ле•са́, луγа́ въ описываемомъ говорѣ находимъ форму амата́ (омуты).

Въ склоненіи основъ на *о* средняго рода съ удареніемъ на окончаніи также господствуютъ формы L. Sg. на *у* (на акну́, аб зе•рну́, пе•ру́, йицу) и G. L. Pl. на *âф* (йа́йцâф (яйцевъ въ письмѣ М. П. Ходаковой), пи́с'маф, с'т'о́клаф, бкнаф, при с'т'окâл, окан; на о́кнаф, ф пи́с'маф, на с'т'оклâф, фс'а' ф пётнâф). N. Pl. въ этомъ склоненіи оканчивается главнымъ образомъ на *ы* (яйцы́, п'о́тны, окны, пис'мы, з'о́рны, бр'о́вны). Слова, какъ пис'мо́, акно́, съ удареніемъ на окончаніи въ формахъ N. A. Sg. могутъ быть какъ средняго, такъ и женскаго рода (ба л'шо́йа акно́, ано ле'жы́т тама́—нивé-с'тйна да́бро́; с'т'е•кло́ как'айа γр'а́знайа; энта адна пис'мо́, й эту фс'у́ бе'л'йо́; въ письмѣ М. П. Ходаковой: письмо я вашу получила). Другіе падежи представляютъ формы средняго рода (пис'ма, пис'му́, пис'мо́м, ап пис'му, ф пис'му́; пис'мы, пис'мâф, пи́с'мам, пи́с'мâми, ап пис'маф).

Изъ словъ разсматриваемой категоріи слово плеʼчо́ склоняется двоякимъ образомъ, какъ основа на *о* и какъ основы на *а*: майо́ плеʼчо||майа́ плеʼча́; маво плеʼча́||маей плеʼчи; па майу́ плеʼчу́ || майе́й плеʼчи́; плеʼчо́м || плеʼчой; на плеʼчу́ || на плеʼче́. Въ множественномъ числѣ находимъ плéчи, плеч; плеʼча́м, плеʼчами, на плеʼче́й.

Значительныя особенности представляетъ склоненіе слова ухо́: уха́, уху́, ухо́м, в уху́; Pl. у́хи, ух, у́хам, у́хйи, в у́хâф.

Отъ око въ описываемомъ говорѣ встрѣчаются только формы множественнаго числа: о́чи, ачéй, ача́м, ача́ми, аб о́чâф.

Основы на *о* средняго рода съ неударнымъ окончаніемъ во

многихъ случаяхъ переходятъ въ склоненіе основъ на *a* (у насъ нʹет мʹасы; нешта мидʹвеiжынуйу мʹасу йеiдʹаʹт, ана самайа харошайа дараγайа мʹаса, майу мʹасу варʹаʹт, пра сваю пра γорʹу, бчин ройўтʹ полʹу, ўзил с платʹйаi, шыли плаʹтʹйу новаiйу, варенʹйу варʹаʹт, ф капыцы в авечйэй; маслу-ту посʹнўйу при пирашка с маслам; въ письмахъ М. П. Ходаковой Acc. яблоку, получить пособію, въ Подстарью (въ Подстарье) при чай с вореньямъ).

Падежныя формы именъ средняго рода, обозначающихъ мужчину, образуются по склоненію основъ на *o*: Sg. палўдрўжйа, палўдрўжйа, палўдрўжйу, палўдрўжйам, на палўдрўжйу. Pl. палўдрўжйа, палўдрўжйаф, палўдрўжйам, палўдрўжйами, на палўдрўжйаф.

Слово стулъ въ описываемомъ говорѣ средняго рода и склоняется слѣдующимъ образомъ: стўла, стула, стўлу, стўлам, на стўли и на стўлу; Pl. стулʹйа и стўлы, стулʹйаф и стўлаф; стўлўми, на стўлʹйаф.

Основы на *i*. Въ склоненіи основъ на *i* мужескаго рода представляетъ особенности склоненіе словъ меiдʹвеʹтʹ, меiдʹвитʹ, G. мидʹвeiдʹа, D. мидʹвeiдʹу, I. мидʹвeiдʹом, L. на мидʹвeiдʹу. Pl. N. мидʹвeiдʹи, G. мидʹвeiдʹоф, D. мидʹвeiдʹам, I. мидʹвeiдʹами, L. на мидʹвeiдʹоф. Слѣдуетъ отмѣтить, кромѣ того, формы L. Sg. съ окончаніемъ *y* (на зʹаʹту, аб дивйрʹу, на нохтʹу, в γолабʹу) и L. Pl. на зeiтʹйоф, на дивeiрʹйоф, аб γастʹей). Слово путʹ мало употребительно; оно отмѣчено въ отрывкѣ пѣсни (Жўравлины длины ноγи Ни нашли путʹа-дароги; Ани шли старанóй, Баранʹили баранóй) и однажды въ живой рѣчи на путю; указываемыя формы G. Sg. на *a* и Dat. на *y* очевидно мужескаго рода.

Въ склоненіи основъ на *i* женскаго рода наряду съ окончаніемъ *u* въ формахъ D. и L. Sg., очевидно подъ вліяніемъ формъ склоненія на *a*, встрѣчается ударный *é* (на лашадʹé, ва ржé, ка ржé, ф Преснинской частʹé, ф пылʹé, при накостн,

на лбшâди, на бси, к нóги). Подъ удареніемъ наблюдаются окончанія G. Pl. *ей* и L. Pl. *ах*: лашадей, на лашадáх; начéй, кастéй, на кастáх, γрудéй, в γрудáх, по G., бсâф, L. на бсаф, при неударномъ окончаніи.

Основы на *ŭ*. Въ описываемомъ говорѣ, какъ и въ другихъ южно-великорусскихъ наблюдается древняя форма свекры́ (G. D. свекрóвйи, A. свекрóвйу, I. свекрóвйай, L. свекрóвйи; Pl. N. свекрóвйи, G. свекровйаф, D. свекровйам, I. свекрóвйâми, L. свекрóвйаф). Въ склоненіи слова «церковь» находимъ слѣдующія формы: Sg. N. цéркâвь и церква, A. ф цéркâвь и ф цéркву; G. цéркэви, D. к цéркви, I. за цéркâвйу, L. на цéркэви; Pl. N. цéркэвы, G. в Масквé многа цéркâвйаф, A. цéркэви. I. цéрквâми, L. на цéрквâф. Въ склоненіи слова кровь находимъ, L. Sg. весь ф кравé.

Основы на *u*. Въ склоненіи основъ на *u* слѣдуетъ отмѣтить форму G. и L. Pl. сынавйóф.

Основы на согласные.

Въ склоненіи именъ съ основой на *n* отмѣчены форма дни (три́ дни) и форма G. Pl. дон. Въ склоненіи именъ съ суффиксомъ *men* наблюдаются формы L. Sg. на кáмну и L. Pl. на кáмнâф.

Въ основахъ на *r* слѣдуетъ отмѣтить формы Acc. Sg. мáтірʼу и G. L. Pl. мáтірʼаф. На ряду съ N. Pl. мáтіри отмѣчена болѣе рѣдкая форма матеирʼйá.

Основы на *t* съ суффиксомъ *ęt* наблюдаются только во множественномъ числѣ: реібáты, реібáт, реібáтам, реібáтыми, аб реібáт, также теілáты, цыплáты, прасáты; въ единственномъ числѣ находимъ реібонâк, телóк, цыплок, прасóнах съ окончаніемъ *y* въ L. Sg.

Слово дитя встрѣчается въ описываемомъ говорѣ въ формѣ дитʼó (средняго рода) и дитʼа (женскаго). Дитʼó склоняется, какъ основы средняго рода на *o* съ ударнымъ окончаніемъ: дитʼó,

дит'á, дит'у, дит'ám, аб дит'ý; дит'á — какъ основы на *a*: N. дит'á, G. дит'é, D. дит'é, A. дит'ý, I. дит'óй, L. на дит'é. Для обоихъ Pl. д'éти. дитей, дитáм и д'éт'ам, дит'áми, аб дит'ей.

Въ склоненіи основъ на *s* слово нéбо въ формѣ н'óба и слово чýда склоняются, какъ основы на *a*: Sg. н'óба, G. н'оби, D. н'óби, I. н'обай, A. н'обу, L. н'óби; N. чуда, G. чуды, D. чуди, I. удивúлси чудай, A. чýду, L. ап'чýди. Во множественномъ числѣ находимъ нибеᵃсá, неⁱбóс, нибᵃсáм, нибеᵃсами, на неⁱбóс; чудеᵃсá, чýдеᵃсбф, чудеᵃсáм, чудеᵃсáми, ап'чудеᵃсбф. Калеᵃсб склоняется, какъ основы на *o* съ окончаніемъ *y* въ Loc. Sg.; во множественномъ числѣ слѣдуетъ отмѣтить формы: N. кал'óсы, G. кал'óс, L. на кал'óс.

Какъ особенность склоненія существительныхъ въ описываемомъ говорѣ слѣдуетъ отмѣтить ударное окончаніе *ими*, весьма послѣдовательно наблюдаемое въ формѣ I. Pl. послѣ средненебныхъ *к'*, *г'*, *і'*, *х'* (с падругцми, ар'éхйми, лóшкйми, дéгйшкйми, ухими); съ меньшей послѣдовательностью неударное окончаніе — *ими* встрѣчается въ формахъ I. Pl. послѣ другихъ палатальныхъ согласныхъ (бáнйми, с' пес'нйми, плат'ййми, стакáн'ййми, с пайеⁱщанйми, палéн'ййми, призбрат'йâми, стакан'йâми, дóл'âми).

Указанная особенность въ образованіи формъ I. Pl. возникла очевидно подъ вліяніемъ окончанія *и* въ формахъ N. Pl., которое могло свободно проявляться въ формахъ съ задненебными, предшествующими окончанію, такъ какъ за послѣдними въ N. Pl. могъ слѣдовать *и* (и никогда ы) и проявленіе котораго стѣснялось чередованіемъ сочетаній «твердый согласный + *ы*» и «мягкій согласный + *и*» въ формахъ N. Pl. въ другихъ случаяхъ (бáни, свúньи || вароны).

Какъ особенность склоненія существительныхъ, должна быть отмѣчена въ нашемъ говорѣ наличность сложныхъ именъ, представляющихъ единство, вторая лишь часть котораго склоняема

(въ письмахъ М. П. Ходаковой: а кумъ Николая угнали. Кланіюсь Андрѣй Ильичу).

Особаго разсмотрѣнія заслуживаютъ формы L. Pl., тожественныя съ формами G. Pl. (абдеᵃлоф, в аγародâф, на деўшкаф, на калʼóс, на неⁱбʼóс, аб дитéй). Замѣны *x* черезъ *ф* въ другихъ случаяхъ въ нашемъ говорѣ не наблюдается, что указываетъ на нефонетическій характеръ этого явленія.

Скорѣе можно думать, что употребленіе съ одними и тѣми же предлогами формъ, какъ G., такъ и L., и численное преобладаніе формъ G., употребляющихся въ значеніи, какъ G., такъ и Acc., повело къ смѣшенію формъ L. и G. Pl., причемъ преобладаніе получили формы G. (въ частности наиболѣе сильныя формы съ окончаніемъ бф, âф), но указанное смѣшеніе формъ G. и L. Pl. можетъ выражаться въ употребленіи не только формъ G. вмѣсто формъ L., но и наоборотъ, какъ въ случаѣ: смотришь на нихъ на нивыкахъ, отмѣченномъ въ одной изъ сказокъ.

Склоненіе мѣстоименій и прилагательныхъ.

Какъ особенность склоненія мѣстоименій въ описываемомъ говорѣ слѣдуетъ отмѣтить параллельныя формы G. A. меⁱне и меⁱнʼá; сеⁱбé и сеⁱбʼá; теⁱбʼé и теⁱбʼá, формы Dat. табʼе, сабʼе (при теⁱбʼé, сеⁱбʼé) и краткую форму D. сʼе въ: и се руку извихнýл.

Вмѣсто йеⁱйб иногда встрѣчается форма G. Acc. йей (он целу читʼвеᵃртнуйу йей (т. е. воды) аставил; йей дома нʼет; и ни нашóл йей).

Въ склоненіи притяжательныхъ мѣстоименій отмѣчены формы: сваму́, мавб, свайму́ при свайеᵃму, свайóму, твайеᵃвб; йихний дом при их матʼ.

Мѣстоименіе «этотъ» встрѣчается въ формѣ, какъ éтат, йéтат, такъ и ентат, независимо отъ предшествующаго предлога (он вéнту комнáту зашóл; éнта адна писʼмó; вот пашóл он с éнтим чилавéкам). Сохранившіяся формы

мѣстоименія сей находимъ въ кадыс'; лѣтося, нукося (въ письмѣ М. П. Ходаковой).

Въ склоненіи мѣстоименія самъ наблюдаются формы L. Sg. m. самайом; L. Sg. f. сам'е при самой; G. Pl. f. самаих (на них на самаих л'уди шыли) и Acc. Sg. f. саму и самайб.

Формы мѣстоименія тотъ въ значеніи члена въ описываемомъ говорѣ соотвѣтствуютъ падежной формѣ, къ которой относятся, только въ сочетаніи съ Acc. Sg. fem. (γоλəвў-ту, бабўшку-ту, вызбўшкў-ту, при деўщкў-та).

Однажды находимъ членъ въ формѣ ты въ версты-ты три атшо́л, но единичность этого случая заставляетъ предполагать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ фонетической ассимиляціей сочетанія та предшествующему ударному сочетанію ты. Во всѣхъ другихъ случаяхъ членъ наблюдается въ формѣ та, тə (ко́шка-та, ба́бы-та, у де́тки-та, де́тку-та, де́фки-та харо́шии).

Нечленныя формы мѣстоименій и прилагательныхъ въ описываемомъ говорѣ сравнительно рѣдки (γа́рруг ка́мин'; лиха́ з'м'е́йа въ традиціонномъ выраженіи въ сказкѣ; штоб он каку прамашку зде́лал; де́нги сире́брины; кака-така палачка́ и γраит'; саму лучую; ани бо́лшін'ки-ба́лшы; у не́во изба просторна, таки йасныи че́рво́чки, целу чит'ве́ртнуйу йей аставил).

Слова женскаго рода, обозначающія отчество, часто склоняются, какъ прилагательныя (ат Ари́ни ат Фо́дрывнай, у Акули́ни Ивайай; въ письмахъ М. П. Ходаковой: Д. Варвари Михайловной, къ Анни Васильевной). Описываемому говору свойственно сочетаніе притяжательнаго прилагательнаго съ G. существительнаго. (Въ письмѣ М. П.: повелъ свою (лошадь) Сашыну и еще тёти Грушину).

Какъ особенность склоненія членныхъ прилагательныхъ слѣдуетъ отмѣтить неударное окончаніе *âй* въ формахъ N. Sg. m. послѣ твердыхъ согласныхъ (халоднай, весо́лай, добрай) и *ай* и *ий* послѣ мягкихъ (ма́л'ін'кай, спи'ай. худін'кай,

чилавечий, мылачий; сорнай, чистай въ письмахъ М. П.) и окончаніе ыи, ыи, ии, постоянно наблюдаемое въ N. Pl. m. f. (кислыи, жолтыи, залатыи, маладыи, синии, малэнкии, въ письмѣ М. П. хорошои дача).

Одинъ только разъ въ плясовой пѣснѣ отмѣчены формы худыйа, другийа съ конечнымъ ударнымъ а.

Въ описываемомъ говорѣ отмѣчены въ живой рѣчи главнымъ образомъ краткія формы сравнительной степени: бе^{i}лей, че^{i}рней, красней, умней (при умнея), смирней, вастрей, пре^{i}мей, йидре^{i}ней, сильней (присильнея), скарей, памений, паболи, патеплa, багатэй, ужы, ближы, режэ, далша, чащи, карочи, лекчи, пощи, глупшы, менши, хужы, лучи, крепчи, шыри, де^{i}шевли; должы, почежёльшы въ письмѣ М. П. Ходаковой). Въ пѣснѣ отмѣчены формы паскарейа, пасме^{i}лейа. Въ письмѣ М. П. Ходаковой: скорея.

Превосходная степень образуется съ помощью мѣстоименія самый (самайа дарагайа, саму лучую). Отмѣчены также въ значеніи превосходной степени: сабака-та злущайа, рибе^{i}тонки здараващии).

Склоненіе числительныхъ.

Склоненіе числительныхъ въ описываемомъ говорѣ отличается слѣдующими особенностями.

Въ склоненіи числительныхъ пяць, шесць, семь, восим, въ исходѣ въ формахъ всѣхъ косвенныхъ падежей наблюдается и (пе^{i}ти, ше^{i}сти, се^{i}ми, васми: биспе^{i}ти, фсем ше^{i}сти, с васми грыбами-та! исе^{i}ми калодизэй, се^{i}ми васми падругими толка).

Склоненіе числительнаго одинъ (адин) не отличается отъ склоненія его въ литературномъ русскомъ языкѣ. Два, три, четыри склоняются слѣдующимъ образомъ: два, двух, двум, двуми, двух; три, трох, тром, труми, трох; четыри, читырох, читыром, чэтырми, читырох.

Числительныя дéвит', дéсит', адúнцат', дв'енáцат', тринáцат', чет'ырнáцат', пет'нáцат', шашнáцат', сем'нáцат', вас'нáцат', дэвет'нáцат', двáцат', трúцат, сóрак и дивен'óста въ формѣ I. имѣютъ окончаніе—*ми* (з'дивет'мú, двáцат'мú гадáми стáршы, сáрак'мú дарóгйми, з'дивен'óстэми рубл'áми-та с маúми).

Образованіе G. L. этихъ числительныхъ не представляетъ особенностей сравнительно съ литературнымъ русскимъ языкомъ (с'ем'нáцáти гадóф, биз двацатú, аб дв'енáцáти свайхъ сынавйóф), кромѣ числительнаго сóрак, которое склоняется слѣдующимъ образомъ: G. сáракá и сыракý, D. сáракá, I. сáрак'мú, L. сóрак, Ac. сóрáг д'ел'óв дýмай!).

Отъ пятидесяти до восьмидесяти включительно наблюдается совпаденіе формъ косвенныхъ падежей съ формою Nom. (давосúм'дúс'ат гадов дожы; с' пид'ес'áт бутылкáми; пá шыз'дес'áт гародáм).

D. числительныхъ дéвит', дéсит' образуется какъ и въ литературномъ языкѣ (дивет'и, дисет'и, дис'тú), начиная же съ одиннадцати и до тридцати включительно наблюдается, очевидно подъ вліяніемъ склоненія существительныхъ, смѣшеніе въ формѣ D. числительныхъ количественныхъ и порядковыхъ (адúнцáтым мал'чúкам велéли дат'; трицáтым пáднамý, трицат ар'ехав нáда; дв'енáцáтым сынавйáм фсо и дастáлáси). Сюда же примыкаетъ дивенóста (г дивенóстым рубл'áм). Dat. числительныхъ двадцать, тридцать образуется, кромѣ того, и какъ въ литературномъ языкѣ (г двацатú бáпкам хадúла).

Какъ особенность склоненія числительнаго сто слѣдуетъ отмѣтить форму I. (сто дыркйми).

При счетѣ говорятъ: двáцат' адна, дв'е; также двáцат' адúн, два.

Порядковыя числительныя не представляютъ особенностей сравнительно съ литературнымъ языкомъ.

При разсмотрѣніи числительныхъ слѣдуетъ отмѣтить еще осо-

бенности склоненія числительнаго о́ба (N. m. о́ба, f. о́би, G. аб'е́х, D. аб'е́м, L. аб'е́х).

Спряженіе.

Спряженіе въ описываемомъ говорѣ представляетъ слѣдующія особенности.

Въ 3 Sg. Pl. *m* окончанія неизмѣнно палаталенъ (хо́дит', со́дит', ни ладит', пайд'от', принис'о́т', бе·γу́т', тре·су́т', п'йут').

Формы 3 Sg. Praes. часто не имѣютъ окончанія *m'* (ид'о́, шйб, пеi·с'о́, ни дайо́, бйо́, ход'а, буд'а, л'уб'а, ко́с'а, приγаварйвайа). Формы безъ окончанія, за рѣдкимъ исключеніемъ, наблюдаются передъ паузой, въ слитной же рѣчи окончаніе *m'* почти всегда сохраняется. Формъ 3 Pl. Praes. безъ окончанія *m'* ни разу не встрѣчено.

Неударное окончаніе въ формахъ 3 Pl. Praes. наблюдается только въ формѣ *ут'* (ход'у́т', то́щут', ла́в'ут').

Изъ формъ Praes. заслуживаютъ быть отмѣченными йез'дййут' и пало́зйит' (ѣздятъ и ползаетъ), встрѣчающіяся и въ другихъ южно-великорусскихъ говорахъ (ср. Дурново, Описаніе говора дер. Парфёнокъ, 167 стр.), и формы теi·к'о́, пеi·к'о́т', бирei·γ'о́м, убеi·γ'о́м, запр'еi·γ'о́м; хати́т', хочимъ, хочут' при хати́м, хат'а́м, возникшія по аналогіи съ формами, въ которыхъ сохраненіе задненебныхъ и появленіе шипящихъ имѣло фонетическія основанія. Слѣдуетъ отмѣтить также формы 3 Sg. Praes. отъ глагола быть (находиться) въ соединеніи съ 1 Sg. мѣстоименія личнаго: γдѣ я есть закинута.

Наряду съ окончаніемъ *ти* въ формахъ 2 Pl. Praes. и Imperat. находимъ окончаніе *т'а* (вы што γрахо́чит'а, куда ид'от'а, што де́ла́ит'а, плоха вы шйот'а, неi·си́т'а, да́йт'а пэγлеi·дит'а).

Стяженныхъ формъ въ описываемомъ говорѣ не наблюдается; одинъ только разъ отмѣчена форма с'м'е́р'ам при Infin. с'м'е́р'ат. Изъ формъ Praeter. слѣдуетъ отмѣтить: пало́с, т'рос, за-

про́х, уб'о́х, бе^γлá, бе^γли; утопли въ письмѣ М. П.

Относительно образованія формъ Imperat. слѣдуетъ отмѣтить формы Sg. пало́ш', пасо́д' и Pl. пало́шт'а, стано́ф'т'а, вы́дит' суди́).

Какъ особенности Infinit. отмѣчены формы нес'т', вес'т', трес'т'; убе́г', убиг; б'е^кчи́, прайти́т', ити́т', абайтит'.

Однажды встрѣчена форма Infinit. съ неударнымъ окончаніемъ *ти:* пахати ѣхать. Быть можетъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ явленіемъ не морфологіи, но фонетики, именно съ начальнымъ неслоговымъ *и* въ формѣ иехат'.

Въ формахъ возвратныхъ глаголовъ наряду съ *с'а* и гораздо чаще находимъ окончаніе *с'и*, *с'* (съ палатальнымъ *с'*): далси́, даждо́мси, аста́лси, саскуччи́лси; въ письмахъ М. П. Ходаковой: увидемси, взялси, свирялси, неуправилси, слушаисси.

Вмѣсто накладывать, вынимать, совѣтовать, находимъ вына́т', на̂клада́т', саве́та̂т'; вына́ит', накладай, пэсаве́тай.

Какъ представляющія особенности въ образованіи причастныхъ формъ, отмѣчены слѣдующія формы причастій страдательнаго залога: сабрато́, убра́тни, сагна́т, сабра́тай; одежды порваты (въ письмѣ М. П.), выклэнай γлас при вы́палата γро́тка; фсе^во́ многа навар'о́на.

Какъ довольно рѣзкую особенность въ описываемомъ говорѣ, слѣдуетъ отмѣтить долготу *н* въ членныхъ формахъ страдательныхъ причастій: атраш'ш'о́ны́й правале́на̂йа, де́рiва свале́на̂йа, пле^то́на̂йа, бире^жо́на̂й, запре^жо́на̂й (долгій н наблюдается и въ членныхъ формахъ прилагательныхъ дли́на̂й, дре^но́й, дире^ва́на̂й, ка́мiна̂й). Нужно думать, что въ этой чертѣ нашего говора мы имѣемъ дѣло съ заимствованіемъ изъ литературнаго языка.

Дѣепричастія въ описываемомъ говорѣ отмѣчены только въ пѣсняхъ (приустафшы, прпупафшы; падайомшы, праце^жомшы, напайо́мшы).

Синтаксисъ.

Какъ и въ литературномъ языкѣ, наряду съ предложеніями, въ которыхъ выражены и подлежащее и сказуемое, въ описываемомъ говорѣ наблюдаются предложенія, въ которыхъ оказываются невыраженными оба или одинъ изъ главныхъ членовъ предложенія.

Въ предложеніяхъ этого типа, встрѣчающихся въ нашемъ говорѣ гораздо чаще, чѣмъ въ литературномъ языкѣ, можно различить нѣсколько видовъ.

Во-первыхъ, предложенія, въ которыхъ подлежащее остается невысказаннымъ въ такихъ случаяхъ, когда оно обыкновенно выражено въ литературномъ языкѣ.

Таковы: а) случаи, когда между предшествующимъ предложеніемъ, съ подлежащимъ котораго можно связать послѣдующее неполное предложеніе, и этимъ послѣднимъ оказывается предложеніе или нѣсколько предложеній съ другимъ подлежащимъ (*Ана* взе᷄ла притащила этай Дуняшы дире᷅венскии сани и ле᷄γула на дварѣ ф саняхъ и: «Качай ме᷅не, γаварить, а сматри ни ухади ать ме᷅не. А лель уйдёшь, то я те᷅бе заγаню и разарву, па тѣхъ поръ ты и жыла». Ну качаить дѣвачкя е᷅ё. *Прибаγутки ве᷅лѣла пѣть.*—

Онъ сьѣлъ е᷅ё рып᷄ки кумі᷄най, кумѣ лисѣ; ана е᷅му пандра᷄вилась. И пашолъ, пашолъ, патра᷄пилси. А дѣла᷄ была᷄ вечіра᷄мъ. *И сидѣлъ фсю ночь.* —

Онъ патходить к этой дуда᷄чки, сталъ вытаскивать дуда᷄чкю и пе᷄сочйкъ апсыпа᷄лси, и *са᷄рафанчикъ дѣвачки-та сваей На᷄стюшки увидалъ.* —

И йэти дѣвачки е᷅ё паткликали к сабѣ на другую сторану, у нихъ платина была, можна была абайтить. Ана къ нимъ падашла. А у нихъ былъ приγатовлі᷄най бачёнакъ вроди ч(й)ана, камінь привязанъ к не᷄му под᷄низамъ. *И патклнкали е᷅ё.*—

И Боγъ далъ *йэтотъ баринъ з барынёй* выздаравили. Алёнушку сабѣ въ дѣти приписали,—была какъ дитё. Астарухусастарикомъ щитали замѣста радной матіри за йихъ хадьбу́. Старуха три γода пажыла сверхъ таво стариком̄ъ и по́мірли. И барыня йихъ пахаранила какъ ф харошымъ види. *Й этай Алёнашки патписали:* лели памремъ, фсё движыма-нидвижыма тей бѣ астаница.—

А *онъ* фсѣмъ здарофъ. Дохтаръ ейщё приходя ево навейщать, ни выпускають, *сидитъ тамъ.*—

И *онъ* былъ очинъ даволинъ: анн на неево похожы. Вразъ двухъ сынавьёфъ. *Жыльлъ йихъ, адсвалъ йихъ харашо.*—

Онъ пришолъ сваво папу разыскалъ. Она папу ни пускаить дамой, пряма наγой ни пускаить на дворъ. *Пастучался*, и пу́стили сево, γдѣ папа находится. И ни узнали сево. Сабрали ему паужинать, салдатику. *Паужиналъ* и давай спрашывать.—

Друшко́ вына́ить деньги. Дѣфьки: «Четыри γула, четыри рубля—сейрёдачкю пазалати!» *Кладёть* на γулы стала па питачкю.

«Разин *онъ* за такихъ дѣвакъ пайдёть сватать»?—Леле вы жылаитя, такъ при́дя, а ни жылаитя, такъ какъ хатитя. Эта ему женщина въ ноγи: «Лель можышь засватать, такъ мы будимъ васъ щитать замѣста аца раднова!»

Старикъ написалъ письмо ему туды и велѣлъ нивѣсти атнесть на пошту и: «атпейси пейшкомъ». (У нихъ и лашатка была). *Съ письма и то взялъ.*—

Папа назвалъ маму. Мама улыбнулась, очинъ рада была. Онъ спрашываить у мамы: «Кады вейчаца будимъ ф какое число?»—Кады энти сванхъ приведуть.—А дѣушки фсѣ ушли. γлять чиризь день у нихъ сабираица свадьба. Патомъ пріѣхали

γости, *и е^му подалъ лошать*; б) случаи, когда представленіе, соотвѣтствующее невыраженному подлежащему неполнаго предложенія, находитъ обозначеніе лишь въ очень отдаленной предшествующей рѣчи или даже является впервые. Случаи этой категоріи встрѣчаются не часто. Приходить онъ наслужбу, γдѣ служылъ, и сказываить эту исторію сваму хазяину, какъ е^во абманулъ. — Онъ ратъ: «Ахъ спасибо! Паслалъ ме^ие на какую жысть!» — Е^во, γварить, скують, а онъ такъ вотъ руками, и какъ баранки-та сле^ятять (о мужикѣ, обманувшемъ служащаго и сосѣдѣ, пославшемъ мужика въ избушку Нужды, разсказывалось лишь много раньше, въ послѣднемъ же случаѣ отсутствуетъ всякое обозначеніе предметовъ, которые слетали, какъ баранки, съ рукъ обладателя разрывъ-травы).

Въ другую категорію неполныхъ предложеній могутъ быть выдѣлены часто встрѣчающіяся въ описываемомъ говорѣ предложенія, въ которыхъ не выражено сказуемое.

Въ этой категоріи различимы два типа предложеній. Въ однихъ невыраженное сказуемое оказывается семасіологически тожественнымъ со сказуемымъ предложенія, находящагося въ непосредственномъ или ненепосредственномъ сосѣдствѣ съ даннымъ неполнымъ предложеніемъ (обыкновенно предшествующаго этому послѣднему). Вотъ, баринъ, онъ у ме^ия на с'мѣ̄ныхъ лашадяхъ д'вѣ дисе^ятины въ день пашыть. Лошади ни выхадють, такъ онъ на с'мѣ̄ныхъ дисе^ятину да обѣда и дисе^ятину послѣ обѣда. —— Падають ани: адна а̄цу протинь сырыхъ, друγая — фсѣ зγарѣли. Фпе^редъ же^инихъ ѣдя съ ацомъ крёснымъ (пасажопымъ), а е^ищё фпе^ирётъ — два друшка́: чирис пле^ичоу пихъ платеньца. За же^инихомъ нивѣста, двѣ крёсны (палу́дружья править лошать) и дѣфьки назадъ насажаю̄ца.— И онъ давай заступа̄ца и фсѣхъ тамъ пакалатилъ и львицы зубами и лошадь.— Я, γваритъ, ни маγу,—мы, лель бываить у насъ, мы бараньчикафъ.

а кошакъ мы ни е^{i}димъ), въ другихъ же представленіе, соотвѣтствующее невыраженному сказуемому, выясняется помимо всякой семасіологической связи его со сказуемымъ сосѣднихъ предложеній, иногда въ связи только со смысломъ весьма отдаленной предшествующей рѣчи. Въ случаяхъ послѣдняго рода предложенія съ невыраженнымъ сказуемымъ наиболѣе отличаются отъ подобныхъ предложеній литературнаго языка. Примѣрами второй группы разсматриваемой категоріи могутъ служить: Вотъ пришли ани къ аӣу, разсказали энти два сына. Адинъ у аднаго памѣщика въ адной де^{i}ревни, а другой въ другой (т. е. нашли невѣстъ; приведенный отрывокъ, очевидно, стоитъ, въ связи со словами отца: «Ну, вы, дѣти, ступайтя, ищитя нивѣстъ», отдѣленными отъ него длиннымъ разсказомъ о превращеніи лягушки въ красавицу).— Эта е^{ы}му женщина въ ноги.— Я е^{ы}му и вина и закуски.— Де ни вазьмися баранъ за нимъ.— Ана крéстить, а онъ е^{i}ё картошкай.— Я испугалась и скарѣй г двери, дѣвачкю сабой за руку штобъ убичь.

Сказуемое часто оказывается невыраженнымъ въ предложеніяхъ, предшествующихъ прямой рѣчи и указывающихъ на ея принадлежность, что стоитъ, очевидно, въ связи съ семасіологической ограниченностью сказуемаго въ подобныхъ случаяхъ. Примѣры этихъ предложеній въ описываемомъ говорѣ очень многочисленны: Е^{ы}му мужычокъ: «Дʹвѣ картошки е^{ы}му нада ф сутки». — А онъ: «Ну што, давай е^{ы}во пе^{i}рвѣй асле^{i}пимъ».— Ну патомъ ана е^{ы}во: «Иди, милай мужычокъ, въ ызбу».— Дѣфьки: «Че^{ы}тыри угла, че^{ы}тыри рубля — се^{i}рёдачкю пазалати!» — А сёстры, братья, чужыи: «горькя, патсластитя!» — Я: пажаласта, дѣдушка, пале^{i}читя». — А онъ: «Стафь самаварчикъ». — А я: «Нѣтъ ни нужна». — А онъ: «Дупцы рубаю».

Особую категорію могутъ составить наблюдаемыя въ нашемъ говорѣ неполныя предложенія, въ которыхъ не выражены ни

подлежащее, ни сказуемое. Въ предложеніяхъ этого типа особенно ярко выступаетъ различіе обстоятельствъ, при которыхъ въ нашемъ говорѣ допустима невыраженность подлежащаго и невыраженность сказуемаго. Невыраженное подлежащее въ подобныхъ предложеніяхъ оказывается тожественнымъ семасіологически съ подлежащимъ одного изъ сосѣднихъ предложеній, не получившее же выраженія сказуемое чаще всего стоитъ лишь въ болѣе или менѣе отдаленной семасіологической связи со сказуемымъ предшествующаго предложенія, относящимся къ подлежащему, семасіологически тожественному съ подлежащимъ неполнаго предложенія. Примѣрами могутъ служить: И патомъ баринъ йихъ абулъ, адѣлъ (ани хадили въ лаптяхъ)— старику сапаγи, а старухи батинки.— И пастановилъ онъ старика старастай надъ народамъ (тады были барскии). А еіё за йэканомку, старуху.— Пришёлъ жеінихъ, вывіли меіне. Убрали. Платья шерсте•нуя, платокъ шолкавай и фартукъ шолкавай.— Бабы абыγрываютъ. Кажнаму чилавѣку разныи пѣсни.— Друшко́ вына́ить деньги. Дѣфьки: Че•тыри γула, че•тыри рубля— сеірёдачкю пазалати!». Кладётъ на γулы стала па питачкю, а ф сеірёдку двацать капеи́къ. И γавядины часть дѣфкамъ, пироγъ аржаной и вина саракау́шку, а хто бутылку.

Мы встрѣчаемся, такимъ образомъ, съ семасіологической ограниченностью подлежащаго и съ богатствомъ семасіологическихъ оттѣнковъ, свойственнымъ сказуемому, причемъ семасіологической связью со сказуемымъ предшествующаго предложенія дается лишь общая семасіологическая характеристика сказуемаго неполнаго предложенія — его родовое понятіе,— видовое же слушатель долженъ вывести изъ обстановки, въ которую поставлено это невыраженное сказуемое неполнаго предложенія.

Иногда же источникомъ для семасіологической характеристики невыраженнаго сказуемаго является исключительно эта

обстановка, какъ въ отмѣченномъ въ описываемомъ говорѣ случаѣ: Вотъ руками,— и старикъ изд'ѣлалась.

Заканчивая этимъ разсмотрѣніе предложеній съ невыраженными главными членами, можно отмѣтить, что въ описываемомъ говорѣ для нихъ характерна ширина и стойкость ассоціаціи съ возникавшими ранѣе представленіями и расчетъ на бо́льшую подвижность и богатство памяти слушателя, чѣмъ тѣ, которыя требуются языкомъ литературнымъ.

При употребительности, съ одной стороны, неполныхъ предложеній въ описываемомъ говорѣ, замѣчается, съ другой стороны, иногда болѣе расчлененное выраженіе мысли, чѣмъ въ литературномъ языкѣ, какъ въ случаяхъ, когда наблюдаются два смежныхъ предложенія, въ которыхъ повторяется одно и то же подлежащее или сказуемое, и которымъ въ литературномъ языкѣ соотвѣтствуетъ одно слитное предложеніе (И ани эти деньги собрали, фсѣ поровну ани раздеⁱлили дома.— Ана испуγалась, и ана вразу умеᵃрла.— А мама увидала Нас'тинькю, и мама умеᵃрла.— И ана любила маладованѣмца, а мужа ана ни любила.— И Нас'тинькю пâлажылъ и жеᵃну пâлажылъ на теⁱлѣγу.— Ийэта старушка абъ нихъ плачить, и дѣвачкя Алёнушка абъ нихъ плачить.— Эти нивѣски ни скра́ить ни умѣють, ни шыть ни умѣють.— И авечикъ сеⁱбѣ купилъ и курачикъ сеⁱбѣ купилъ).

Какъ болѣе рѣдкій случай, находимъ повтореніе въ одномъ и томъ же предложеніи того же дополненія: Ана еᵃво накар'мила и еᵃво фь чуланъ пасадила.

Въ особую категорію должны быть выдѣлены предложенія, объединяющія въ себѣ обломки двухъ различныхъ конструкцій, при чемъ здѣсь можно различить двѣ группы: предложенія, опирающіяся на историческую традицію, и предложенія, имѣющія случайное происхожденіе.

Первую группу составляютъ предложенія, представляющія контаминацію личнаго оборота съ безличнымъ. Примѣрами ихъ

могутъ служить: И папалась имъ бачонакъ.—У йэтихъ бабъ была хлѣбъ и ауурʹцы въ узлѣ и кашы ґаршокъ.—Дверь самоʹ затварилась.—Фся деревня зʹбеᵃґлоси.—Вотъ такъ руками—и старикъ изʹдѣлалась.

Подобные обороты, чуждые литературному языку, встрѣчаются въ языкѣ древне-русскомъ. Примѣры ихъ можно видѣть въ указываемыхъ Потебней (Изъ зап. по р. гр. III, 458) древнерусскихъ предложеніяхъ: Да имъ же даетца изъ царскія козны за всякую ѣзду прогоны.—А было де у всѣхъ паповъ соймъ.

Какъ примѣры второй группы, можно привести: Онъ этихъ дѣушакъ, на канюшни йихъ больна драли.—Какъ апа травой аблажыла, онъ мохъ сичасъ,—шеш часофъ спалъ.—А вотъ мнѣ падайтя,—нѣтъ ли у васъ далоґу.—Еᵃво пашлютъ атецъ съ лашадьми.—Вотъ онъ призывають маму.

Подобные обороты, очевидно, представляютъ выраженіе одного и того же мыслительнаго акта двумя эквивалентными семасіологически предложеніями, причемъ первое изъ нихъ прерывается вслѣдствіе замѣны его другимъ, возникшимъ въ сознаніи говорящаго, какъ болѣе подходящее въ данномъ случаѣ, уже въ моментъ произнесенія перваго. Эта контаминація предложеній, ничѣмъ между собой синтаксически не связанныхъ, не явилась, очевидно, прямымъ результатомъ послѣдовательнаго языковаго развитія, но имѣетъ индивидуальное происхожденіе. Въ традиціонности предложеній первой группы разсматриваемой категоріи и въ случайномъ происхожденіи предложеній второй группы убѣждаетъ то, что на мой вопросъ, можно ли сказать: «дверь само затварилась, фся деᵉревня зʹбеᵃґлося, папалась имъ бачонакъ», послѣдовалъ утвердительный отвѣтъ объекта (А. Е. Колпицыной), повторившаго эти предложенія, прибавивъ: «Такъ и ґварять». На вопросъ же, можно ли сказать: «Онъ йэтихъ дѣушакъ, на канюшни йихъ больча драли», послѣдо-

валъ удивленный отвѣтъ: «Нешта такъ хто γаварить?» Между тѣмъ въ обоихъ случаяхъ мною повторялись точно записанныя слова самой А. Е.

Въ описываемомъ говорѣ относительно способа согласованія главнаго предложенія съ придаточными замѣчаются нѣкоторыя особенности сравнительно съ литературнымъ языкомъ.

Какъ такую особенность, можно отмѣтить первообразную конструкцію съ придаточнымъ предложеніемъ[1]), примѣрами которой въ нашемъ говорѣ могутъ служить: Хто ме^{i}не будить пакупать, вы прадавайтя.— Онъ, γдѣ деньги роють, былъ тамъ де^{i}сят'никамъ.— Хто умрёть, онъ пахаронить.— И каторай мальчикъ убилъ валкà, онъ далъ е^{a}му три рубля.— Каторая бѣдная дѣушка замужъ идёть, и онъ давалъ на свадьби.— Каторава сына ни любилъ, адинъ толькя γодъ училъ.

Другою особенностью является древній оборотъ съ постпозитивнымъ придаточнымъ безъ относительнаго мѣстоименія; какъ примѣры можно привести: Ана ф кулешъ наклала фшей, изъ γалавы начасала.— А у нихъ былъ приγатовлі-най бачонакъ вроди ч(й)ана, каминь привязанъ къ не^{a}му под'низамъ.—Падаёть е^{a}му кошку, и ж̄арила.— А у йэтихъ бабъ была: хлѣбъ и аγурцы въ узлѣ и кашы γаршокъ, патъ снапами ле^{i}жали.— Пришёлъ Паликарпъ и у не^{a}во двацать лѣтъ же^{a}на ни радила.— У ме^{i}не есть такая книжэчкя, што хошъ можна задѣлать па ней.— И самъ книш'кю вынулъ, за пазухими у не^{a}во была.— А кошэкъ у ней многа, ф ко'пики сидять.— Дуняшынъ атецъ, очинъ абидна е^{a}му паказаласи, давай вилами же^{i}лѣзными е^{i}ё γолаву раскалачивать.— Я твой мужъ, и с̄алдатавъ убёхъ.— Ано такъ хрустить эта сѣмя, знаитя, масла изъ не^{a}во.— Какъ за первава мужа выхадила, з̄акрытымъ лицомъ ве^{i}нчали, платкомъ закрыла.

1) Ср. Потебня, Изъ зап. по р. гр. III, 344—350.

Слѣдуетъ также отмѣтить согласованіе съ придаточнымъ предложеніемъ при отсутствіи соединительныхъ частицъ. Какъ примѣры можно указать: Онъ былъ па матіри же•натъ: у не•во были пасынки.—А па йэтому ани ей такъ сказали, ани хочуть е'ё паймать и утапить.—Папа, жалка вамъ, ани прапали-та.—Я пришёлъ: очинъ мнѣ скушна.—И ани стали жыть—радуюцa: хар'чи харошыи.—А барыня плачить: апять тронулси.—И онъ былъ очинъ даволинъ: ани на не•во пахожj.—И онъ такъ нивѣску палюбилъ, ни знаить, γдѣ е'ё и пасадить.—И сынъ таперь скора памрёть: пышку съѣлъ.—А дѣфьки ф старанѣ стаять: продали ани ужъ е'ё. Въ письмѣ М. П. Ходаковой: Я праздникъ правела очень скучно мнѣ было.

Но иногда въ нашемъ говорѣ, очевидно, подъ вліяніемъ литературнаго языка, замѣчается нагроможденіе соединительныхъ частицъ: А баранчикъ видилъ, што куды ани фпихнули, гдѣ, кажется, мы имѣемъ дѣло съ двумя придаточными предложеніями: што, куды ани фпихнули и куды ани фпихнули.

Какъ особую, чуждую литературному языку синтаксическую конструкцію, слѣдуетъ отмѣтить въ нашемъ говорѣ оборотъ, который можетъ быть опредѣленъ, какъ полупрямая рѣчь. Примѣрами могутъ служить: Думають, што плохии пираγи эта нашыхъ жонъ.—Ани барину расказали, што барыня насъ (т. е. разсказывавшихъ) карила.—Паспорилъ на́ чет'вирть вина, што руку прилажу́ и ата́прёца замокъ.—Ани ка мнѣ, што с'ве'ди е•во.—И ве'лѣлъ нивѣсти атнесть на пошту и атне'си пе'шкомъ.—Я γаварю, што ухади.—Шумить, што у те'бе γарить (т. е. кричитъ мнѣ: у тебя горитъ).—Въ письмѣ М. П. Ходаковой: а Наталья говоритъ, что эта моя (т. е. ея, Натальи).

Какъ особенности употребленія второстепенныхъ членовъ предложенія, можно указать: отдѣленіе опредѣленія отъ слова,

къ которому оно относится, другими членами предложенія, какъ въ приводимыхъ ниже случаяхъ: Давай вилами же^{i}лезными е^{i}ё γолаву раскалачивать γарѣлую.—Стали дѣвачки къ ней хадить дире^{i}венскии.—Нѣхторыи γ барыни хадили и у барыни служили дѣвачки.—И е^{a}му нивѣски эпти разандравились двухъ сыновьёфъ.—Далъ самую перваю комнату е^{a}му харошаю.—Какая идравиця вамъ жаръ-птица, ту я и дастану.—Тѣмъ жа дамой паряткамъ—γлять этатъ мужыкъ идёть весь ф кравѣ, каторай е^{a}во руγалъ.—Ана патходить къ этимъ нивѣскамъ, какая изрѣзала.—Любимыи сынавья стрыльнули адинъ далёка, а другой е^{i}щё дальше, каторыхъ онъ любя.

Опредѣленіе часто слѣдуетъ за опредѣляемымъ словомъ. Примѣрами могутъ служить: Пы́лажы́лъ е^{i}ё окала́ рыбинъ въ задокъ, ф санц дире^{i}венскии.—Онъ сьѣлъ е^{i}ё рып'ки кумина́й.—Пришолъ день йэта зафтр'ушня́й.—Падашла капыця лашадиная.—Стали за этими де^{i}тя́ми ухажывать дѣушки дире^{i}венскии.—У аднаво памѣщика стаить сарай атъпе^{a}ртой.—И вывіли жаръ-птицафъ малінькихъ.—И сталъ онъ сынъ любимай.—Онъ сѣлъ на не^{i}ё и паѣхалъ ф каюшню свою.—И тамъ γу'стая такая кур'тина бе^{i}рёзавая.—Бабушка милая, пусти ме^{i}не!—Ёлку вырубають въ ле^{a}су дѣфьки и убирають лентами шёлкавыми и сажають на макушку куклука́мі́ую.—Же^{i}нихъ выносить платокъ шёлковай и на ёлки куклу каміую платкомъ покрываить.

Для описываемаго говора весьма характернымъ является частое употребленіе приложеній, относящихся, главнымъ образомъ, къ мѣстоименіямъ, но встрѣчающихся нерѣдко и въ связи съ существительными: И онъ паре^{i}вѣлъ и ушолъ, ме^{i}дъвѣть.—Е^{a}во падымали, барина.—Вотъ расту'ть анн, дѣти,

растутъ.—Вотъ ана взе[a]ла, эта нивѣска, изрѣзала ф калачочки весь ситицъ.—Онъ е[a]му фсё раскалъ сваму аӣу.—И ана, нивѣста, садиӣа на лафку и закричитъ γоласамъ.—Приноситъ е[a]му, Ванюшки.—Онъ патходитъ, бара'чикъ, γварить.

Любопытенъ единичный, впрочемъ, случай, гдѣ существительныя, связанныя аттрибутивно, оказываются раздѣленными союзомъ *что*: «А денихъ онъ фсѣмъ па мноγу далъ на расхотъ што на пражытья». Возможно, что въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ оборотомъ, который Потебня опредѣляетъ, какъ Hendiady[s].

Спомнилъ сасѣда, старика-та.—У сваво папи, у старичкя.—γруша, Аγрафена, залофка-та Лизи.—Онъ въ эту γрушу, ф тётку е[i]ё, ей пряма лошкай въ лонъ.

При этомъ слѣдуетъ указать на важный въ данномъ случаѣ, по своему присутствію въ современной прозаической народной рѣчи, древній типъ приложенія: А у нихъ былъ прутъ, на краямъ кусты.—Онъ ле[i]тить бальшой, больш трёхъ аршынъ,—γалава оуняӣая.—Ана е[a]му налажила адну картошку и хлѣпца, аӣу адинъ разъукусить.—Изрѣзала ф калачочки весь ситицъ, какъ палицъ заве[a]зать.—У нихъ ме[a]рлуγи здаровыи, чилавѣку хадить.

Описываемый говоръ представляетъ сравнительно съ литературнымъ языкомъ многочисленныя особенности относительно употребленія различныхъ грамматическихъ категорій. Въ употребленіи падежей находимъ слѣдующія особенности: неоднократно встрѣчается nominativus duplex при глаголахъ стать, сдѣлаться: А то ты з'дѣлаисси лашатка.—А то станишь бычокъ.—Онъ з'дѣлалси лошать.—Вотъ такъ руками,—и старикъ из'дѣлалась. Рядомъ находимъ оборотъ съ творительнымъ падежомъ: И здѣлалси онъ харошымъ чилавѣкамъ.—И сталъ бара'чикамъ.—Здѣлалси арломъ

Винительный падежъ часто встрѣчается въ отрицательномъ оборотѣ наряду съ родительнымъ: И ни йисть ана кулешъ.— Ни найдёмъ никакую де^{i}ревню.—И кормъ ни йисть.— Вы нужду ни видали (при: Хлёбнава ни варимъ,— лампы ни брала). Винительный падежъ наблюдается при глаголахъ надѣлать, править, отблагодарить: Онъ вамъ бе^{a}ду надѣлаить.—Палу′дружья править лошать.—И напаю и накар′млю и рубашку адблаγадарю.

Родительный падежъ наблюдается иногда на мѣстѣ прямого дополненія вмѣсто ожидаемаго винительнаго, какъ въ случаяхъ: Че^{a}во бизъ матіри будимъ дѣлать?—Че^{a}во съ ней з′дѣлаимъ (при: што мнѣ дѣлать).—Съ сабой чавойта взялъ.—Паслѣдн′эй де^{i}нёкъ γавядинки йидять.— И сталъ намъ варить γавядины.—Люблю йисть чилавѣчьива мяса. Родительный въ подобныхъ случаяхъ представляетъ, очевидно, genitivus quantitatis. Родительный падежъ встрѣчается при радъ, обрадоваться: Ни то шта е^{a}ды ратъ.— Абрадавалси харошыхъ хар′чофъ.

Дательный наблюдается при глаголѣ уважать: уважаить е^{a}му.

Творительный встрѣчается при глаголѣ обрадоваться (наряду съ родительнымъ): Абрадавалась арѣхими, харошыми платьими; а также при глаголѣ удивиться: удивилси людай.

Относительно употребленія глагола уже раньше отмѣчено частое исчезновеніе окончанія 3 л. ед. ч. т′ передъ паузой и отличающееся значительной послѣдовательностью сохраненіе его въ остальныхъ случаяхъ.

Въ слитной рѣчи только четыре раза (патомъ приходя дохтаръ апять.—Хто ф какую зная сторану.—Будя фсётаки правдать мужъ же^{a}ну.—Фпе^{i}редъ же^{i}пихъ ѣдя съ а̄цомъ крёснымъ) отмѣчены формы безъ окончанія при весьма многочисленныхъ случаяхъ исчезновенія окончанія т′ передъ паузой (Знаить, што ана ни упадё.—Ну-

ка хужьстаня.—Атецъ паша.—Онъ фсе'бе придё.—Какой будить, такой будя.—Ана патходя.—Такъ нихто никады и нпшьё.—Ана ме'не зарубя.—Пайдёть или ни пайдё.—Пущай приходя.—Пажалуй ме'не калатить будя.—γолавы праломя.—Ме'д'вѣдь идёть, ре'вёть, приγаваривая и мн. др.).

Какъ указано раньше въ морфологіи, дѣепричастія рѣдки въ нашемъ говорѣ, употребленіе ихъ отмѣчено только въ пѣсняхъ. Сочетанію же глагола съ дѣепричастіемъ въ литературномъ языкѣ въ немъ соотвѣтствуетъ сочетаніе двухъ глаголовъ (Идёть, шапку снялъ.—Пабе'γли дамой, пирпγалиси.—И пашелъ, пашелъ, патрапилси.—Сидить ана, плачить.—Идёть на фстрѣчкю, разыскиваить.—Фстрѣчаиця, ѣдить на быкѣ Дуняша.—И адна дѣушка сидить ткёть.—Идёть, ре'вёть, приγаваривая.—Стаить бле'ёть баран'чикамъ.—Онъ пашолъ, сказалси: «пайду те'бѣ фсе•во прине•су»).

Какъ особенность употребленія залоговъ, слѣдуетъ отмѣтить нерѣдкость въ описываемомъ говорѣ страдательной конструкціи (А у нихъ былъ приγатовлінай бачонакъ, ками'нь привязанъ къ не•му под'низамъ.—И патомъ у нихъ даска была приγатовліна.—Баринъ званай и идуть.—Фтарой сынъ увидалъ шта атецъ зарѣзаиай.—Приγатовлинъ у ней тапоръ.—А сицу мноγа накупліна) и любопытные дѣйствительные обороты: Падашла капыця авечья.—Падайдёть стёшка въ ле•су.—И упрёця балота.

Въ употребленіи видовъ отмѣчены: странное употребленіе несовершеннаго вида въ «баринъ званай и идуть» и форма многократнаго вида, напоминающая употребленіе его въ поэтическомъ народномъ языкѣ: Ани пасматрили,—у не•во мноγа жаръ-птицафъ, же•на красивая, и ани абарачивалиси къ ацу: «Папа, чѣмъ ты насъ наградишь?».

Заслуживаютъ также быть отмѣченными древнія конструкція съ настоящимъ временемъ глагола быть: «Вады ни есть канцу» и выраженіе «вайна ваюить», образованное по типу громъ гремитъ.

Въ употребленіи мѣстоименій представляетъ особенности употребленіе указательнаго мѣстоименія этотъ. Его крайне частое появленіе при существительныхъ, когда въ столь настойчивомъ указаніи нѣтъ необходимости, заставляетъ предполагать за нимъ значеніе члена, хотя, можетъ быть, и не присвоенное ему совершенно (Эта Дуняша ɣаварить.— И эта старуха ходить за ними усердна.— Эта нивѣста крикнула.— А эта Сифка-Бурка принеᵃсла еᵃму, Ванюшки.— Этатъ сынъ разабидилси).

Въ описываемомъ говорѣ чрезвычайно распространено повтореніе предлоговъ (Паѣхала мать въ ɣоратъ съ йихнимъ съ ацомъ.— Ф капыцы в авечьей.— Пра сваю пра орю.— На еᵃво на ста цалковыхъ.— На нихъ на самаихъ людй шыли.— Са злости на неᵃво на парня.— Ты колькы за нихъ за этихъ денихъ пиринлатилъ.— Вотъ онъ и пришёлъ къ этай кызбушки). Какъ особенность употребленія предлоговъ, слѣдуетъ отмѣтить: на дохтара руɣанца; на жеᵃну бранилси; хватились абъ нихъ; а баринъ и ни нуждаца за леᵃкарства еᵃво; онъ къ сабакамъ очинъ любитиль.

Въ обозначеніи времени предлогъ *въ* часто отсутствуетъ: Вотъ часъ почи онъ къ адной женьщини леᵃталъ.— Чсᵃсовъ адинцать вечіра летить этатъ аɣинянъ.— Онъ двеᵃнацать чеᵃсовъ почи дамой пришёлъ.— Отсутствіе предлога наблюдается въ выраженіи: каторай брата нѣту въ значеніи: а у которой брата нѣтъ, но здѣсь мы имѣемъ, можетъ быть, дѣло не съ опущеніемъ предлога при родит. над., но съ дательнымъ падежомъ (dativus possessivus).

Въ употребленіи нарѣчій отмѣчено нарѣчіе *гдѣ* въ значеніи какъ, такъ что, откуда (Ну удѣ жа въ эту избушку прай-

тить.—Ни знаить, γдѣ дамой прайтить.—Забили, γдѣ ей и вылисть пильзя.—Де ни возьмися, баранъ за нимъ).

Слѣдуетъ отмѣтить особое употребленіе союза *и*, который наблюдается въ качествѣ связывающей частицы въ придаточныхъ предложеніяхъ, выражающихъ временныя отношенія: Какъ онъ маю рубашку при васъ вазьмёть и въ γалофку пэцалуить.—Онъ, мальчикъ, какъ откричалъ, и пашёлъ дать афсеiца сваму жыреiбёначкю.—Кады ана упала, попъ пряма зареiвѣлъ). Союзъ *и* отмѣченъ въ пѣснѣ въ значеніи относительнаго слова: Хошь лели пѣсни слушать, и нада за пѣсни нγрицъ дарить.

Какъ особенности рода, можно указать: ва весь мочь (при изаффсей мочи) и харошая сортъ. Выраженія: «мой милай» и «братъ» могутъ быть обращены, какъ къ мужчинѣ, такъ и къ женщинѣ: Ты, братъ, дѣфка γреахо́вая!—Сматрю я, мой милай, этатъ чёрнай, какъ сабака,—и котя и котя.—Кагжа, мой милай, нешта мысліна.

Въ употребленіи чиселъ можно отмѣтить множественное вѣжливости, которое употребляется очень непослѣдовательно: «Ты зачѣмъ пришёлъ, Иванъ?—Я пришёлъ: очинъ мнѣ скушна—Штожъ эта вамъ скушна?»—Вы нуждуни видали; ступай въ лѣсъ, тамъ стаить избушка. Вотамъ жывёть нужда.—Ступай пряма дароγай, и на праву руку падайдёть стёшка въ лесу, и дальшы иди и иди па этай стёшки, и упрёца балота. Чиризъ эта балота вы пиприходитя па этай стёшки. Тамъ избушка. И ступайтя туды, тамъ увидити нужду.—Выхади аттеля,—вы мнѣ нужны.—Ни хошъ направляца, то я васъ буду рѣзать. Множественное вѣжливости свойственно въ нашемъ говорѣ и существительнымъ: Вы маи нивѣски (вм. вы моя невѣстка). Употребленія 3 Pl. вм. 3 Sg. (они вм. онъ, она) не замѣчено.

При собирательномъ существительномъ, выступающемъ въ роли подлежащаго, сказуемое представляетъ иногда 3 л. множ. ч., какъ въ случаяхъ: цѣлай кураγодъ идуть.—З'бе'γлиси ѳся се·ло.—Сидять ѳся се·мья,— въ которыхъ мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ внутренней согласованностью собирательнаго имени, связаннаго съ представленіемъ множественности, и множественнаго числа глагольной формы.